

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Оренбургский институт (филиал)

Васякина Е.В.

**ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
СУДАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Оренбург

2020

УДК 341.1/8

ББК 67.91

В 20

Сведения об авторе:

Васякина Елена Владимировна – доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук

Сведения о рецензентах:

Архирейская Татьяна Юрьевна – заведующий кафедрой конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Лапочкина Елена Петровна – доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук

Васякина Е.В.

В 20 Применение норм международного права судами Российской Федерации: учебное пособие / Е.В. Васякина – Оренбург: Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2020. – 92 с.

В учебном пособии рассмотрены особенности применения международного права с учетом современной практики правоприменительных органов Российской Федерации. В учебном пособии рассматриваются проблемные вопросы применения норм международного права Конституционным Судом Российской Федерации, Верховным Судом Российской Федерации, судами общей юрисдикции и арбитражными судами Российской Федерации. Отдельное внимание уделяется применению норм права Евразийского экономического союза в Российской Федерации. Автор анализирует конкретные судебные решения, определяются общие условия применения норм международного права и существующие ограничения, на основе чего выявляются общие особенности реализации норм международного права в национальной судебной практике.

Учебное пособие предназначено для правоприменителей, преподавателей и научных работников, бакалавров, специалистов, магистрантов, аспирантов юридических вузов и факультетов.

© Е.В. Васякина, 2020

Оглавление

Введение.....	4
§ 1. Международное право: понятие и особенности развития.....	6
§ 2. Применение норм международного права: общие положения.....	12
§ 3. Применение международного права Конституционным Судом Российской Федерации.....	20
§ 4. Применение международного права судами общей юрисдикции.....	29
§ 5. Применение норм международного права арбитражными судами Российской Федерации.....	35
§ 6. Применение судами Российской Федерации права Евразийского экономического союза.....	42
<i>Приложение. Основные акты, необходимые для самостоятельного изучения темы:.....</i>	<i>56</i>
<i>Конституция Российской Федерации (выдержки).....</i>	<i>56</i>
<i>Венская конвенция о праве международных договоров (выдержки).....</i>	<i>58</i>
<i>Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. N 20-П... 59</i>	<i>59</i>
<i>Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза»</i>	<i>71</i>

Введение

Международное право – это система общеобязательных норм и принципов, которая регламентирует установление международного правопорядка и обеспечивает взаимодействие государств и иных субъектов по вопросам межгосударственного сотрудничества. Международное право регулирует различные сферы взаимных интересов: экономику, торговлю, космос, безопасность, морские пространства, экологию, сотрудничество в уголовно-правовой сфере и многие другие.

Основной функцией как международного, так и внутригосударственного права является обеспечение защиты прав человека и основных свобод, так как именно право выступает гарантом недопущения нарушения общепризнанных ценностей и основных принципов. Права человека признаются естественными и неотчуждаемыми, принадлежат всем от рождения. Это общие начала, которые обеспечивают свободу и достоинство личности. Эти права являются высшей ценностью, они должны соблюдаться и защищаться государством¹ и гарантироваться международно-правовыми нормами.

На сегодняшний день соблюдение принципов права и межгосударственное сотрудничество реализовывают, с одной стороны, международные органы, с другой стороны – национальные органы правосудия. Для того, чтобы международно-правовые нормы получали силу внутри государства и могли защитить его граждан и проживающих в нем лиц, они должны быть имплементированы в национальное законодательство. Имплементация – от английского означает «осуществление, претворение в жизнь в соответствии с определенной процедурой». В международном праве под имплементацией понимают осуществление внутригосударственных норм во исполнение международно-правовых путем создания на международном и внутригосударственном уровнях условий для такого осуществления.

¹Лукашева Е.А. Права человека в мировом культурном пространстве. Права человека в изменяющемся мире: материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. Т. А. Сошникова, Е. А. Карпов, Н. В. Колотова. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета. 2017. С. 22.

Имплементируя международно-правовые нормы, государство фактически реализовывает международные обязательства на внутригосударственном уровне. Этому способствуют общие принципы уважения и приоритета международного права, которые закреплены в основных законах государств. Так, согласно части 4 статьи 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью российской правовой системы¹.

Однако, для того, чтобы норма международного права была имплементирована в национальное законодательство, недостаточно заключить международный договор и выразить согласие на его обязательность. Гораздо большим показателем применения международных правовых актов в государстве является судебная практика. Поэтому, исследование особенностей применения норм международного права судами Российской Федерации позволит сделать вывод о том, имеют ли на сегодняшний день международно-правовые нормы значение для российских правоприменителей и насколько часто они применяются в ходе рассмотрения дел судебными учреждениями.

Материалы настоящего учебного пособия призваны способствовать освоению тем, предполагающих рассмотрение особенностей применения норм международного права внутригосударственными судебными органами. Данное учебное пособие призвано укрепить учебно-методическое обеспечение курса «Международное право» в части самостоятельного освоения обучающимися вопросов о применении норм международного права, права Евразийского экономического союза, и их реализации на международном и внутригосударственном уровнях, что делает его важным учебным ресурсом для внеаудиторной подготовки.

¹Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.09.2020 г.).

§ 1. Международное право: понятие и особенности развития

Понимание международного права менялось с развитием межгосударственных отношений и укреплением международного сотрудничества. Еще в XIX веке под международным (межгосударственным) правом профессор А.Н. Стоянов понимал совокупность общих принципов, начал и правил, которыми определяются взаимные отношения самостоятельных государств и разрешаются столкновения в законах и обычаях отдельных народов, для упрочения и развития всемирного гражданского оборота¹. В этот же период ученые отождествляют международное право с правовыми началами, определяющими взаимные отношения государств и международных сообществ и гражданские права иностранцев² и охрану прав человека³.

На протяжении XX века взгляды на международное право менялись. Главным образом, понимание международного права зависело от тех задач, которые ставило в приоритет государство при осуществлении внешней политики. Так, в учебнике Института государства и права АН СССР под международным правом понимают совокупность норм, регулирующих отношения между государствами в процессе их борьбы и сотрудничества, выражающих волю господствующих классов этих государств и обеспечиваемых принуждением, осуществляемым государствами индивидуально или коллективно⁴.

Современное понимание международного права основано на том, что оно представляет собой систему обязательных норм и принципов, выраженных в признанных субъектами этого права источниках и являющихся общеобязательным критерием правомерно дозволенного и юридически недозволенного и через которые (нормы) осуществляется управление

¹Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т 1. СПб. 1895. С. 429.

²Казанский П.Е. Учебник международного права, публичного и гражданского. Одесса, 1902. С. 6.

³Коркунов Н.М. Международное право и его система // Юридическая летопись, октябрь 1891. С. 243.

⁴Международное право / отв. ред. Г. В. Игнатенко и О. И. Тиунов. М., 1998. С. 6.

международным сотрудничеством в соответствующих областях или принуждение к соблюдению норм этого права.

Международное право представляет собой особую систему, регулирующую взаимодействие государств в различных сферах. Развитие международного права выражается в создании новых норм, отраслей, институтов и принципов международных отношений. В ходе такого развития изменению подлежит механизм взаимодействия международного и внутригосударственного права, а также способы имплементации норм международного права национальным законодательством. Это изменение является неотъемлемой частью развития международного права и соответствует закономерностям эволюции данной системы.

Изменение понимания международного права говорит о том, что менялось и его содержание. Это свидетельствует о динамичности данной системы. Для понимания особенностей международно-правового регулирования, в научной литературе особо исследуется процесс эволюции международного права.

Эволюцию в широком смысле отождествляют с развитием, которое широко исследуется общественными науками. Так, в философии бытия (онтологии) развитие характеризуется как «такое изменение состояний, которое происходит при условии сохранения их основы, то есть некоего исходного состояния, порождающего новые состояния»¹. Развитие есть процесс, подчиненный определенным закономерностям. Данные закономерности развития какого-либо явления осуществляются только при условии сохранения их основы². Таким образом, при рассмотрении развития какой-либо системы необходимо выделять интегративную основу целостной системы и ее подсистем³.

¹Свидерский В.И. О некоторых особенностях развития // Вопросы философии. 1985. № 7. С. 27-28.

²Там же.

³Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. С. 523.

В некоторых исследованиях развитие понимается как усложнение, совершенствование, обретение большей ясности, законченности¹. Однако такое понимание развития характеризует его прогрессивный характер. В литературе отмечается, что прогресс есть категория субъективная, которая выражается в общественно-политической оценке события, явления, поскольку в науке нет общепризнанного понимания прогресса². С точки зрения марксистско-ленинской концепции развития общества, прогресс общества представляет собой закономерный, не зависящий от воли и сознания людей процесс, основой которого является способ производства (смена общественно-экономической формации). В свою очередь, прогресс в научно-философском понимании представляет собой развитие, при котором качество изменяется по восходящей линии³. Таким образом, прогрессивное развитие может быть определено как направленное, необратимое изменение качества системы в сторону ее совершенствования.

Однако развитие не всегда является прогрессивным. Оно имеет две формы: развитие в форме усложнения является прогрессивным, в форме упрощения – регрессивным.

Исходя из понимания эволюции как одной из форм развития, можно выделить следующие ее признаки: 1) результатом является новое состояние объекта, изменение его характеристик; 2) подчинение определенным закономерностям; 3) необратимость; 4) направленность. На эволюцию как на форму развития влияют внешние факторы и внутреннее состояние объекта. Из данного общего понимания следует, что при характеристике эволюции каких-либо систем следует рассматривать все аспекты их изменений, а не только те, которые свидетельствуют о прогрессивном развитии.

Однако данный вывод не применим к международному праву. В своей монографии «Кодификация и прогрессивное развитие международного права» А.П. Мовчан указывает, что международное право развивается «на основе

¹Бучило Н.Ф., Чумаков А.Н. Философия. М.: ПЕР СЭ. 2008. С. 92.

²Глебов И.Н. Международное право. М.: Дрофа, 2006. С. 35.

³Мовчан А. П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. М., 1972. С. 8.

объективно непреложных закономерностей общественного развития, которые являются ключом к пониманию причин такого развития и его осуществления лишь по пути прогресса»¹. Автор доказывает, что развитие надстроечной категории всегда зависит от материальных движущих сил общества. Поэтому развитие международного права как любой надстроечной категории динамично развивающегося общества не может не развиваться прогрессивно. Развитие права как процесс естественного роста рассматривал Н.М. Коркунов². О «динамизме» международного права также пишет С.В. Черниченко³. Следовательно, при характеристике эволюции в международном праве целесообразно рассматривать не все изменения международного права, а только те, которые указывают на качественное его совершенствование. Исходя из этого, представляется оправданным, что в международном праве понятие «эволюция» является синонимичным понятию «прогрессивное развитие»⁴.

Говоря о международном праве как надстроечной категории, необходимо решить вопрос о его базисе. Специфика международного права заключается в том, что оно регулирует отношения между государствами, классовая сущность которых различна⁵. Поэтому представляется верным полагать, что международное право основано на взаимодействии различных базисов⁶.

Развитие международного права отличается определенными закономерностями, соответствие которым образует критерий прогрессивного значения принципов и норм международного права⁷. Определяя закономерности развития норм права вообще, И.П. Блищенко отмечал, что «с перерастанием одной общественно-экономической формации в другую, нормы, выражающие эксплуататорскую сущность формации (например, кабальные

¹Мовчан А. П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. М., 1972. С. 9.

²Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов; [сост., автор вступ. ст., коммент. А. Н. Медушевский]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 176.

³Черниченко С.В. Очерки по философии и международному праву. М.: Научная книга, 2009. С. 668.

⁴Не все ученые соглашались к таким определением. А.Б. Мезяев отмечает, что МТБЮ есть «международный механизм по разрушению прогрессивного международного права и созданию нового репрессивного международного права». См.: Мезяев А.Б. Бесславный юбилей незаконного суда. К 20-летию создания МТБЮ // Фонд стратегической культуры. Электронное издание.

⁵Там же, 675 с.

⁶Черниченко С.В. Теория международного права. Т 1. М.: НИМП, 1999. С. 18-20.

⁷Мовчан А.П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. С. 9.

договоры), сохраняются, а нормы и институты, выражающие специфику данной формации (например, церковные соборы, пошлины, принцип легитимизма и т.д.) утрачиваются, и наконец, нормы и институты, объективно отражающие поступательный процесс развития человечества, имеющие демократический характер, служащие при каждой общественно-экономической формации господствующему классу (например, суверенитет, принцип *pacta sunt servanda*), являющиеся необходимым условием развития международных отношений, также сохраняются»¹. Нормы и принципы, составляющие основу международного права, не утрачиваются одновременно с изменением материальной основы. Эволюция международного права представляет собой длительный процесс, который выражается в изменении отдельных его составляющих (в «надломе надстройки»)².

Развитие международного права является объективным процессом. На этот процесс оказывают влияние различные факторы (движущие силы): международные торговые отношения, уровень производственных отношений внутри государства³, научно-техническая революция⁴, уровень нравственности и общественных экономических интересов⁵. По мнению Н.М. Коркунова, главным, непосредственно действующим фактором развития права служит так называемая «борьба за право»⁶, которая выражается в активных действиях людей по изменению юридической нормы.

Данные факторы в каждом конкретном случае изменяются в зависимости от объективных общественных процессов, протекающих в рассматриваемый период времени. И данные закономерности не являются общими, а «применимы к конкретным областям права»⁷. Следовательно, развитие каждого института международного права подвержено различным факторам.

¹Блищенко И.П. Международное и внутригосударственное право. М., 1960. С. 10.

²Там же.

³Как отмечал Л. Оппенгейм, факторами развития являются объективные достижения государства и общества. См.: Oppenheim L. International Law. 1955. Para 37.

⁴Мовчан А.П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. С. 9.

⁵Oppenheim L. International Law. 1955. Para 51.

⁶Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. С. 175.

⁷Черниченко С.В. Очерки по философии и международному праву. С. 635.

В исследованиях А.П. Мовчана, Г.И. Тункина определено, что важным условием прогрессивного развития современного международного права является необходимость сотрудничества государств. Принципы и нормы международного права создаются или отменяются в результате соглашения между государствами¹. Дальнейшее развитие принципов и норм международного права невозможно без соглашения между государствами². Таким образом, основой эволюционных процессов в современном международном праве является мирное сосуществование различных государств, базирующееся на их соглашениях³.

Развитие международного права выражается в создании новых норм, отраслей, институтов и принципов международных отношений⁴. Следовательно, изменению подлежит и механизм взаимодействия международного и внутригосударственного права⁵, влияние международных органов на национальные институты. Это изменение является неотъемлемой частью развития международного права и соответствует закономерностям эволюции данной системы.

Вопросы для контроля по теме:

- 1. Что такое «международное право»?*
- 2. Каковы особенности развития международного права?*
- 3. Каковы условия прогрессивного развития международного права?*
- 4. Приведите примеры прогрессивного развития современного международного права.*
- 5. Какие примеры могут свидетельствовать о регрессе в международном праве?*

¹Тункин Г.И. Теория международного права. М.: Зерцало-М, 2014. С. 181.

²Мовчан А.П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. С. 12.

³Там же.

⁴Глебов И.Н. Международное право. С. 35.

⁵Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М.: Норма-М., 2014. С. 194.

§ 2. Применение норм международного права: общие положения

Реализация права является одним из наиболее существенных вопросов теории и практики. «Право ничто, – отмечает Л. С. Явич, – если его положения не находят своей реализации в деятельности людей и их организаций, в общественных отношениях. Нельзя понять право, если отвлечься от механизма его реализации в жизни общества»¹. Действуя на практике, правовые нормы обеспечивают урегулирование и упорядочение общественных отношений, создают необходимые условия для развития общества, что способствует достижению самой сущности права².

Международное право, как и любая система права, реализуется посредством следующих форм³: соблюдения, исполнения, использования его норм и принципов, а также деятельности институтов, обеспечивающих применение его норм и принципов. Представляется оправданным, что для выполнения своего назначения – регулирования сотрудничества государств, реализация норм международного права должна быть обеспечена с одной стороны, в межгосударственных отношениях, с другой стороны – в государствах, участвующих в таких правоотношениях.

Разрабатывая международные договоры, мировое сообщество обеспечивает закрепление прав и обязанностей. Применение норм международного права на межгосударственном уровне осуществляют международные институты – международные органы, учреждения и организации, которые создаются в соответствии с международным правом.

Все международные институты могут создаваться либо по решению международного органа или международной организации (например, как Совет по правам человека ООН, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека), либо на основе международного договора (как Европейский Суд по правам человека, Комитет ООН по правам человека, Комитет против пыток).

¹Явич Л.С. Об исследованиях механизма действия права // Сов. гос-во и право. 1973. № 8. С.26.

²Морозова Л.А. Теория государства и права / Л.А. Морозова // Учебник. 4-е изд. М., 2010. С. 250.

³Там же.

Если обобщить функции международных органов и организаций, можно сделать вывод, что международные институты уполномочены:

1) рассматривать сообщения государств о мерах, принятых для выполнения положений международных договоров;

2) принимать сообщения от лиц, являющихся жертвами нарушения государством какого-либо из гарантированных международными договорами прав;

3) оказывать помощь в разработке новых стандартов в определенной сфере;

4) содействовать ратификации международных договоров;

5) обеспечивать защиту гарантированных международным правом прав и принципов, применяя и (или) толкуя международно-правовые нормы (это касается международных судебных органов, в частности – международных уголовных трибуналов, Европейского Суда по правам человека, Суда Европейского союза).

Осуществляя данные функции, международные институты вносят значительный вклад в развитие международного права. Этот вклад выражается в следующем:

1) международные органы по защите прав человека вводят в международное право новые понятия и категории. Например, в резолюции 7/36 Совет ООН по правам человека уполномочил Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение на основе ежегодного доклада и собранной информации предоставлять Совету по правам человека и Генеральной Ассамблее доклады, в которых Специальный докладчик освещает связанную с мандатом деятельность. В таких докладах, в частности, был использован термин «онлайн-среда»¹. На основе данного доклада позже принята резолюция Генеральной ассамблеи, где используются категории «оффлайн среда» и «цифровой век»²,

¹Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение 23/40 от 17.04.2013 (A/HRC/23/40). URL: <https://www.ohchr.org/> (дата обращения: 25.10.2020 г.).

²Резолюция Генеральной ассамблеи ООН «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» от

которые стали отправными для международного регулирования новых прав человека, связанных с цифровыми технологиями.

2) в результате деятельности международных судебных органов появляются новые объекты международно-правовой защиты, появляются новые принципы и стандарты. Например, в Постановлении ЕСПЧ от 03.04.2007 г. по делу «Копланд (Copland) против Соединенного Королевства» (жалоба № 62617/00) указывается на конфиденциальность информации в телефоне и электронной почте, что развивает право на неприкосновенность личности. Большую роль в развитие международного права внесли международные уголовные трибуналы, созданные в период с 1945 по 1994 годы. Эти органы сформировали материальную (сформировали круг преступлений), процессуальную (утвердили стандарты судопроизводства) и институциональную (выработали принципы создания и деятельности) основы международного уголовного права, позволили привлечь к уголовной ответственности за нарушение международного гуманитарного права¹. Международный военный трибунал 1945 года, Международный военный трибунал для Дальнего Востока 1946 года утвердили такие принципы привлечения индивидов к ответственности, как принцип неотвратимости наказания², Международный трибунал по бывшей Югославии, Международный трибунал по Руанде сформировали принцип командной ответственности, за совершение международного уголовного преступления, существенно расширили основные гарантии прав подсудимых, закрепив в своих уставах нормы о недопустимости свидетельствовать против себя, презумпцию невиновности, а также право на обжалование приговора и его пересмотр по вновь открывшимся фактам.

18.12.2013 (A/RES/68/167). URL: <https://www.ohchr.org/> (дата обращения: 25.10.2020 г.).

¹См. подробнее: Васякина Е.В. Эволюция международных уголовных трибуналов (1945-1994 гг.): монография. М.: Юрлитинформ. С. 127.

²Кудрявцев В.Н. Нюрнбергский процесс и проблемы укрепления международного правопорядка // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. Перевод с английского; под ред. В.В. Пустогарова. М.: Изд-во: ИГиП РАН, 1995. С. 10.

3) в документах международных органов по защите прав человека отмечается появление новых прав человека, в том числе «права на Интернет» (например, в Постановлении ЕСПЧ от 17.01.2017 г. по делу «Янковскис (Jankovskis) против Литвы» (жалоба N 21575/08)), «права на доступ к Интернету» (Резолюция Совета ООН по правам человека 33/3 от 29.09.2016 г. закрепляет, что «обеспечение свободного, справедливого и эффективного порядка распространения и обеспечения доступа к информации и коммуникациям является необходимым элементом поддержания мира и обеспечения справедливого мирового порядка»), права «на забвение», формирование которого обычно связывают с решением Суда Европейского союза от 13.05.2014 г. по делу Google Spain.

4) в решениях международных органов констатируются способы нарушения прав человека: так, в Постановлении ЕСПЧ от 17.07.2003г. по делу «Перри (Perry) против Соединенного Королевства» (жалоба N 63737/00), в Постановлении ЕСПЧ от 10.03.2009 г. по делу «Быков (Вуков) против Российской Федерации» (жалоба № 4378/02) приводятся новые способы нарушений – в частности, говорится о недопустимости скрытого аудио-видео наблюдения, в Постановлении ЕСПЧ от 28.01.2014 г. по делу «Хан (Khan) против Соединенного Королевства» (жалоба № 11987/11) говорится об использовании прослушивающих устройств, в Постановлении ЕСПЧ от 02.09.2010 г. по делу «Узун против Германии» (жалоба № 35623/05) – о GPS-наблюдении.

Таким образом, международные институты не только создают механизм такой защиты, но и развивают международное право. Применяя нормы международного права, международные органы и организации развивают его, создают новые принципы, подтверждают его эффективность и незыблемость его основ. Несмотря на это, если обратиться к статистике обращений в международные органы по правам человека, то нельзя сказать о популярности у граждан таких способов защиты своих прав. Например, по состоянию на 2017 год, Комитетом по правам человека рассмотрено около 3000 сообщений,

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам рассмотрел 2 жалобы, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин рассмотрел около 100 сообщений¹. Также неоднозначна оценка деятельности международных уголовных трибуналов, Международного уголовного суда, Европейского Суда по правам человека. Например, бескомпромиссно критикует законность создания и деятельности Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии А.Б. Мезяев². К основным доводам неправомочности учреждения Советом Безопасности ООН международного уголовного трибунала ученый относит: отсутствие в резолюции 827 ссылки на какую-либо статью Устава ООН, прямое заявление государств-членов Совета Безопасности (например, Китая и Бразилии) об отсутствии правовых оснований для создания Советом Безопасности международного уголовного трибунала; рассмотрение трибуналом вопроса о своей законности самостоятельно, что нарушило принцип «Никто не может быть судьёй в своём собственном деле»; отсутствие запроса консультативного заключения Международного суда ООН; создание Советом Безопасности ООН судебного органа, имеющего компетенцию, которой он сам не обладает³. А.Б. Мезяев совершенно справедливо указывает на недопустимость подмены договорной основы создания трибуналов. «Создание юридического органа путем подписания международного договора предусматривает учет интересов всех его участников, на государства, чьи интересы в договоре не были учтены, положения договора не распространяются, в то время как резолюции Совета Безопасности ООН основываются на волеизъявлении только нескольких государств. О том, что создатели трибунала сознательно стремились исключить

¹Обзор практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного суда Российской Федерации 16 февраля 2017 года. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.09.2020 г.).

²Автором написан ряд работ по данной теме, а также защищена диссертация на соискание степени доктора юридических наук. См. подробнее: Мезяев А.Б. Процесс против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале. Записки из зала суда / Казань, 2006; Мезяев А.Б. Международный трибунал по бывшей Югославии: некоторые правовые аспекты. Российский юридический журнал. 2007. № 2. С. 46-49; Мезяев А.Б. Права обвиняемого в современном международном уголовном процессе (вопросы теории и практики). Диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.10 / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Москва, 2013; Мезяев А.Б. Роль международных судов в юридическом закреплении итогов разрушения Югославии. Международное право. 2009. Т. 38. № 2.

³Мезяев А.Б. Роль международных судов в юридическом закреплении итогов разрушения Югославии. Международное право. 2009. Т. 38. № 2. С. 203.

всеобщее участие в принятии решения, свидетельствует также тот факт, что вопрос не был вынесен на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН – органа, где представлены все государства-члены»¹. Также интересна современная позиция Российской Федерации о применении решений Европейского Суда по правам человека «под условием»: 14 июля 2015 года Конституционный суд Российской Федерации провозгласил Постановление по делу о применимости решений ЕСПЧ на территории России, в котором было определено, что решения Европейского Суда по правам человека должны исполняться с учетом верховенства Конституции Российской Федерации².

Реализация норм международного права государствами обеспечивается путем их имплементации в национальное законодательство, а также применением решений и позиций международных органов и организаций в национальной судебной практике.

Для того, чтобы международно-правовые нормы получали силу внутри государства и могли защитить его граждан и проживающих в нем лиц, они должны быть имплементированы в национальное законодательство. Имплементация – от английского означает «осуществление, претворение в жизнь в соответствии с определенной процедурой». В международном праве под имплементацией понимают осуществление внутригосударственных норм во исполнение международно-правовых путем создания на международном и внутригосударственном уровнях условий для такого осуществления. Имплементируя международно-правовые нормы, государство фактически реализовывает международные обязательства на внутригосударственном уровне.

Российская Федерация является участником всех международных актов, регламентирующих защиту прав человек и основных свобод (по правам

¹Мезяев А.Б. Роль международных судов в юридическом закреплении итогов разрушения Югославии. Международное право. 2009. Т. 38. № 2. С. 205.

²Постановление от 14 июля 2015 г. № 20-П по делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.09.2020 г.).

ребенка, о запрещении всех форм дискриминации в отношении женщин и т.д.), Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Однако, чтобы норма международного права была имплементирована в национальное законодательство, недостаточно заключить международный договор и выразить согласие на его обязательность. Применению международного права способствуют общие принципы его уважения и приоритета, как правило, таковые закреплены в основных законах государств. Согласно части 4 статьи 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью российской правовой системы¹.

О применении норм международного права, которые содержатся в международных договорах, указано в Федеральном законе «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ (далее – ФЗ № 101). Именно в данном документе дается полноценное описание того, как и в каком порядке будет применяться международный договор. Чтобы стать частью правовой системы Российской Федерации, государство в лице компетентных органов должно дать согласие на международный договор. Согласие может быть выражено путем подписания договора, обмена документами, образующими договор; ратификации договора; утверждения договора; принятия договора; присоединения к договору; применения любого другого способа выражения согласия, о котором условились договаривающиеся стороны.

В соответствии со статьей 5 ФЗ № 101 международный договор Российской Федерации может применяться непосредственно, если будет соответствовать следующим критериям:

- 1) быть официально опубликованным;
- 2) не требовать издания внутригосударственного акта.

¹Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.09.2020 г.).

Таким образом, пока международный договор предусматривает необходимость создания какого-либо органа, либо требует внести изменения в законодательство, он не будет применяться.

Применение норм международного права на внутригосударственном уровне осуществляют национальные судебные учреждения. Согласно статье 118 Конституции Российской Федерации, судебная власть в России осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства, а судебную систему Российской Федерации составляют Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов Российской Федерации¹. Для того, чтобы выявить особенности применения норм международного права национальными судами, обратимся к практике каждого звена судебной системы Российской Федерации.

Вопросы для контроля по теме:

- 1. Сравните понятия «реализация права» и «применение права». Дайте оценку.*
- 2. Какие можно выделить уровни применения норм международного права?*
- 3. Каковы особенности применения международного права на межгосударственном уровне?*
- 4. Определите вклад международных органов и организаций в развитие международного права.*
- 5. Как обеспечивается реализация международного права на внутригосударственном уровне? Какие акты Российской Федерации определяют возможность применения международного права?*

¹Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.09.2020 г.).

§ 3. Применение международного права Конституционным Судом Российской Федерации

Основным органом конституционного контроля в Российской Федерации является Конституционный Суд Российской Федерации. Этот государственный орган обеспечивает единство законодательной и судебной практики в области защиты прав и свобод человека и гражданина, самостоятельно и независимо осуществляет судебную власть посредством конституционного судопроизводства¹.

Конституционный Суд Российской Федерации принимает решения, которые обязательны на всей территории Российской Федерации. Они бывают нескольких видов. Итоговое решение Конституционного Суда Российской Федерации принимается в форме постановления и обладает нормативным характером. Итоговое решение является юридическим фактом, на основании которого возникают, прекращаются или изменяются различные правовые отношения. Итоговое решение Конституционного Суда Российской Федерации о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления именуется заключением. Заключение, в отличие от постановления, не выносится от имени Российской Федерации.

Прочие решения Конституционного Суда Российской Федерации, принимаемые в ходе отправления конституционного правосудия, именуются определениями. Одновременно, по мнению Н. В. Витрука, «к итоговым решениям Конституционного Суда РФ следует относить определения Конституционного Суда РФ, которыми распространяется ранее сформулированная Конституционным Судом правовая позиция на аналогичные правовые ситуации»². Учитывая то значение, которое имеют правовые позиции

¹Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

²Витрук Н. В. Конституционное правосудие // Судебно-конституционное право и процесс. 2015. № 4. С. 35.

Конституционного Суда РФ для развития конституционного права России, несмотря на отсутствие в законе о Конституционном Суде Российской Федерации указания на такого рода акт, признается указанная выше точка зрения оправданной. Также Конституционный Суд Российской Федерации принимает решения по вопросам организации его деятельности. Эти решения не могут влиять на развитие и формирование конституционного права. Следовательно, Конституционный Суд Российской Федерации принимает три вида окончательных решений: постановления и заключения, а также определения, которыми ранее сформулированная правовая позиция суда распространяется на аналогичные правовые ситуации.

Применение Конституционным Судом Российской Федерации норм международного права осуществляется на основе положений Конституции Российской Федерации и в соответствии с общим признанием норм и принципов международного права в государстве. Практика Конституционного Суда Российской Федерации показывает, что данный орган определяет общие тенденции применения норм международного права в российской правовой системе.

Все постановления Конституционного Суда Российской Федерации, в которых судебный орган применяет международное право, можно разделить на следующие группы:

- 1) постановления, в которых Конституционный Суд Российской Федерации определяет место решений ЕСПЧ и международных органов по защите прав человека и основных свобод в правовой системе России.

Одним из самых показательных примеров данной группы постановлений является Постановление от 14 июля 2015 № 21-П, в котором Конституционный Суд закрепил, что любые решения Европейского Суда по правам человека, вынесенные в адрес России, должны рассматриваться как составная часть российской правовой системы, при этом они не должны: во-первых, приводить к нарушению прав человека; во-вторых, создавать угрозу основам конституционного строя. Если правила международного договора нарушают

конституционные положения, имеющие для России важное значение, они не могут применяться в ее правовой системе. С точки зрения Конституционного Суда РФ, лишь он уполномочен осуществлять конституционный контроль за не вступившими в силу международными договорами. То, что сама по себе Европейская конвенция 1950 года не противоречит Конституции РФ, не означает, что появление решений ЕСПЧ, которые могут ей противоречить, невозможно. Поэтому, если исполнение решения ЕСПЧ приведет к нарушению принципов и норм Конституции, Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать подобного нарушения.

Данное постановление вызвало много дискуссий на практике. Однако, не вдаваясь в полемику, хотелось бы поддержать точку зрения А.С. Исполинова, который приводит конструктивные аргументы в пользу установлений таких «ограничительных линий» для ЕСПЧ. Высшие национальные суды многих передовых стран выстраивают конструкции, адаптирующие национальные правовые системы к новой реальности, в которой некоторые подходы ЕСПЧ и иных международных судов могут не находить отклика в национальном праве. Оговорки о силе решений ЕСПЧ сделали почти все конституционные суды стран-членов ЕС как ответ на доктрину приоритета права ЕС (например, ФРГ, Италия, Австрия и Великобритания). Так, в решении Конституционного Суда Итальянской Республики от 24 октября 2007 г. закреплено, что должен быть достигнут правильный баланс между конституционной обязанностью гарантировать уважение международных обязательств и необходимостью предотвратить нарушение Конституции в результате этого¹.

Также именно в Постановлении № 21-П Конституционный суд РФ отметил, что федеральный законодатель вправе предусмотреть специальный механизм исполнения решений любого межгосударственного органа по защите

¹Исполинов А.С. Вопросы взаимодействия международного и внутреннего права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Российский юридический журнал, 2017. № 1. С. 75.

прав и свобод человека, не только ЕСПЧ. Этот механизм был введен в действие принятием Федерального конституционного закона от 14 декабря 2015 года № 7-ФКЗ, статья 1 которого предусматривает, что по запросам федерального органа исполнительной власти, наделенного компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против Российской Федерации на основании международного договора Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации разрешает вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека¹.

Примером постановления, в котором Конституционный Суд применил свои полномочия, можно считать Постановление от 19 апреля 2016 г. № 12-П18, в котором по запросу Министерства юстиции РФ судебный орган, основываясь на своих ранее высказанных правовых позициях, констатировал невозможность исполнения постановления ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» в части мер общего характера, предполагающих внесение в законодательство о выборах изменений, которые позволяли бы отказаться от общего ограничения активного избирательного права всех осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы по приговору суда, поскольку неминуемым следствием его исполнения стало бы нарушение Основного закона страны².

Ученые считают, что гарантированное гражданам право на судебную защиту посредством обращения в органы наднациональной юрисдикции, в том числе в рамках Конвенции о защите прав человека и основных свобод, предполагает обязанность государства проявлять максимум заботы об

¹Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 N 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.10.2020 г.).

²Среди решений, признанных противоречащими Конституции РФ, можно назвать постановления ЕСПЧ, вынесенные по делам: «ОАО «Нефтяная компания ЮКОС» против Российской Федерации» (20 сентября 2011 г.), «Маркин против Российской Федерации» (22 марта 2012 г.), «Катан и другие против Молдавии и Российской Федерации» (19 октября 2012 г.), «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» (4 июля 2013 г.).

организации исполнения решений ЕСПЧ. Отступление от правовой обязательности постановлений Страсбургского суда допустимо лишь в исключительных случаях, когда их исполнение несовместимо с основополагающими установлениями Конституции Российской Федерации, что тем не менее, не может служить преградой для изыскания совместными усилиями заинтересованных сторон, при активной роли Конституционного Суда и ЕСПЧ, взаимоприемлемых способов минимизации конституционно-конвенционных коллизий.

П.А. Калиниченко указывает, что текущая юридическая ситуация, характеризуемая выводами КС РФ и опытом зарубежных стран, дает основания полагать, что коллизия между «страсбургской» и «национальной» системами защиты прав человека явление возможное и встречающееся на практике, но весьма в редких случаях. В этой связи позиция Конституционного Суда для этих редчайших случаев звучит взвешенно и обоснованно. Судебный орган стоит на страже интересов Конституции, как бы ни были убедительны доводы страсбургского правосудия. При этом данный исследователь отмечает, что проверить сотни существующих решений ЕСПЧ по жалобам против России на соответствие Конституции РФ представляется немислимой и никому не нужной тратой времени. Поэтому формируемый в российской правовой системе механизм отказа в исполнении решений ЕСПЧ будет носить, по всей вероятности, избирательный характер и будет касаться ограниченного числа дел¹.

2) постановления, в которых Конституционный Суд Российской Федерации интерпретирует некоторые международно-правовые понятия и категории.

Приведем в пример то же Постановление от 14 июля 2015 № 21-П, в котором предусмотрено, что решение ЕСПЧ не может считаться обязательным для исполнения, если в результате толкования конкретного положения

¹Калиниченко П.А. К вопросу о коллизии между постановлениями ЕСПЧ и Конституцией России в свете позиции Конституционного Суда РФ // Актуальные проблемы российского права, 2016. № 2. С. 45.

Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, на котором основано данное постановление, осуществленного в нарушение общего правила толкования договоров, смысл этого положения разойдется с императивными нормами общего международного права (*jus cogens*). Таким образом, в данном постановлении Конституционный Суд отождествил понятие «*jus cogens*» с «императивными нормами общего международного права», чем вызвал критику современных ученых. Так, о проблеме понимания *jus cogens* достаточно компетентно высказывается Л.П. Ануфриева. Автор говорит о том, что ни до, ни после Конституции 1993 года позитивное право и даже доктрина так и не предложили удовлетворительного определения понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права», которое, помимо всего прочего, не выступает единственным в арсенале международно-правовой теории и практики¹. Это приводит к тому, что некоторые государства настаивают, что *jus cogens* – это императивные нормы общего международного права, а другие выступают за отождествление *jus cogens* с общепризнанными или основополагающими принципами и нормами международного права. Дискуссия о соотношении этих понятий продолжается и в Комиссии международного права ООН. Однако, если обратиться к правовым актам, то, например, Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., не используя понятие «основные принципы», в ст. 52 говорит о принципах международного права, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций, а в статье 53 – об императивной норме общего международного права. При разработке данных положений Комиссия международного права ООН констатировала критерии *jus cogens*, уточнив при этом первый признак, отличительной чертой которого выступает принадлежность к «общему международному праву», отчетливо продемонстрированный в ст. 53 Венской

¹Ануфриева Л.П. Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права» и *jus cogens* // *Lex Russica*. 2018. № 12 (145). С. 38-39.

конвенции о праве международных договоров 1969 г. Вторым свойством норм *jus cogens* служит наличие у них фундаментальной ценности¹.

Другим примером обращения к *jus cogens* является Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 года № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации по делу ОАО «Нефтяная компания ЮКОС против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации», в котором произошло смешение понятий «*jus cogens*» и «общепризнанных принципов и норм международного права». Более того, оба понятия были подвергнуты расширительному толкованию. В частности, в особом мнении судьи К.В. Арановского упоминается, что существует такой частный случай «общепризнанных принципов», как принципы «справедливого правосудия», которым Россия должна следовать как нормам *jus cogens*. Однако, из общей теории международного права не следует наличия принципа «справедливого правосудия», а уж тем более доказательств отнесения его к *jus cogens*.

3) постановления, в которых Конституционный Суд Российской Федерации указывает на обязательность актов рекомендательного характера.

Согласно некоторым правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, в качестве общепризнанных принципов и норм международного права в Российской Федерации могут рассматриваться не только общеобязательные международно-правовые предписания, но и общие представления, касающиеся общечеловеческих ценностей. Примером может служить Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2012 года № 15-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой», в котором помимо положений Международного пакта о гражданских и политических правах 1966

¹Ануфриева Л.П. Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права» и *jus cogens* // Lex Russica. 2018. № 12 (145). С. 38-39.

года и Конвенции о правах инвалидов 2006 года, суд указал на необходимость применения актов рекомендательного характера – рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы (рекомендация от 8 октября 1977 года 818 (1977) «О положении психически больных») и Комитета Министров Совета Европы (рекомендации от 22 февраля 1983 года R (83) 2 «Относительно правовой защиты лиц, страдающих психическим расстройством, которые были госпитализированы в принудительном порядке», от 23 февраля 1999 года R (99) 4 «О принципах, касающихся правовой защиты недееспособных взрослых» и от 24 февраля 2004 года Rec (2004) 10 «Относительно защиты прав человека и достоинства лиц с психическим расстройством»). Несмотря на то, что они носят рекомендательный характер, Конституционный Суд отмечает, что в их основу положены общепризнанные в современных демократических государствах принципы верховенства права, гуманизма, справедливости и юридического равенства, на необходимость соблюдения которых в отношении лиц, признанных недееспособными, указывали в своих решениях Европейский суд по правам человека и Конституционный Суд Российской Федерации.

Таким образом, анализ практики Конституционного Суда Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что именно в постановлениях данного органа определяются возможные «рамки» применения норм и принципов международного права. И несмотря на то, что в Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, при применении международного права необходимо всегда руководствоваться положениями Основного закона страны.

Вопросы для контроля по теме:

1. Определите роль Конституционного Суда Российской Федерации в судебной системе России.

2. Какие виды решений принимает Конституционный Суд Российской Федерации?

3. В каких постановлениях Конституционный Суд Российской Федерации применял международное право?

4. Определите вклад Конституционного Суда Российской Федерации в развитие вопроса о применении международного права в России.

5. Оцените Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 № 21-П на соответствие международным обязательствам Российской Федерации и общим принципам международного права.

§ 4. Применение международного права судами общей юрисдикции

Систему судов общей юрисдикции в Российской Федерации составляют федеральные суды общей юрисдикции и суды общей юрисдикции субъектов Российской Федерации¹. Согласно статье 126 Конституции Российской Федерации, высшим судебным органом по гражданским делам, по разрешению экономических споров, уголовным, административным делам и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции, является Верховный Суд Российской Федерации.

Довольно большое значение для разъяснения порядка применения международного права судами общей юрисдикции имеет Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (далее – Постановление № 5), в котором установлены подробные положения о применении норм международного права, которые содержатся в международных договорах Российской Федерации². В частности, в Постановлении № 5 более подробно расписано, в каких случаях судам общей юрисдикции необходимо применять международный договор, а когда основываться на внутренних нормативных актах. Так, при рассмотрении гражданских или уголовных дел, а также дел об административных правонарушениях, могут применяться только те международные договоры, которые имеют прямое и непосредственное действие в правовой системе Российской Федерации. Следовательно, договор, который не будет наделять правами и обязанностями граждан, либо потребует изменений законов государства, не может быть применен судами общей юрисдикции ни при каких условиях.

¹Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 года № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.10.2020 г.).

²Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.11.2020 г.).

Однозначная оговорка установлена в Постановлении № 5 в отношении уголовно-правовых отношений. Так, ни один международный договор международно-правовые нормы, предусматривающие признаки составов преступлений, должны применяться судами Российской Федерации только в тех случаях, когда на это прямо указывает норма Уголовного кодекса Российской Федерации. В частности, такое указание в Уголовном Кодексе РФ содержится в статьях 355 (предусматривает ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения), 356 (применение запрещенных средств и методов ведения войны). Вместе с такими ограничениями, в Постановлении № 5 подчеркивается необходимость соблюдать права человека и гражданина, которые установлены основными международными соглашениями, в том числе, в вопросах соблюдения сроков расследования и содержания под стражей.

Большое значение для применения судами норм международного права имеет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 года № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» (далее – Постановление ВС РФ № 21)¹, в котором суд определяет порядок и особенности применения Европейской конвенции 1950 года и ее место в правовой системе России. Согласно п. 1 Постановления ВС РФ № 21, Европейская конвенция 1950 года и протоколы к ней являются международными договорами Российской Федерации, и при их применении судам общей юрисдикции необходимо учитывать разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами конституции российской федерации при осуществлении правосудия», а также в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции

¹Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.11.2020 г.).

общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Для осуществления эффективной защиты прав и свобод человека судами учитываются правовые позиции Европейского Суда, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств – участников Конвенции. При этом правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского Суда.

Правовые позиции ЕСПЧ должны учитываться судами при применении законодательства Российской Федерации. В частности, содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством Российской Федерации, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод с учетом правовых позиций ЕСПЧ.

Важным положением данного постановления является указание на то, что несмотря на наличие оснований для ограничения прав и свобод человека, которые могут быть предусмотрены федеральным законом и международными договорами Российской Федерации, положения Европейской конвенции 1950 года и Протоколов к ней такими основаниями служить не могут, поскольку в них отмечается эффективное признание и защита нарушенных прав и свобод человека. Поэтому, при рассмотрении дел, суды общей юрисдикции всегда должны обосновывать необходимость ограничения прав и свобод человека только при наличии относимых и достаточных оснований для такого ограничения, а также если соблюдается баланс между законными интересами лица, права и свободы которого ограничиваются, и законными интересами иных лиц, государства, общества.

Помимо постановлений Верховного Суда Российской Федерации, указание на порядок применения международного права может содержаться в общих обзорах практики данного судебного органа. Так, согласно Обзору практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод

человека № 3 (2019) Верховного Суда РФ¹, «в целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека».

Несмотря на общий положительный настрой Верховного Суда Российской Федерации по вопросу о применении норм международного права и правовых позиций международных органов по защите прав человека, анализ судебной практики не позволяет однозначно говорить о том, что при формальном соответствии всем условиям, нормы и принципы международного права в России всегда будут применяться. Например, Российская Федерация не является участником протокола к Конвенции о правах ребенка 1989 г., Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. об обращении в созданные данными документами органы, что делает сложным применение соответствующих правовых позиций. Также на практике встречаются интересные примеры, когда международные договоры и правовые позиции международных органов и организаций не применяются судами без какого-либо обоснования. В частности, в пример можно привести Постановление Верховного Суда Российской Федерации по делу 47-АФ19-434 от 25.06.2019 г. в отношении гражданина Азербайджана Шахмурадова А. Л.о., которым были поддержаны выводы Оренбургского областного суда от 25.01.2019 г. об отказе в признании незаконным Постановления о привлечении гражданина Республики Азербайджан Шахмурадова А.Л.о. к ответственности по ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ. При вынесении решений как районным судом, так и вышестоящими судами полностью проигнорированы доводы защитника привлекаемого к ответственности лица о том, что выдворение Шахмурадова А.Л.о. за пределы Российской Федерации будет нарушать Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 года².

¹«Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 3 (2019)» (подготовлен Верховным Судом РФ). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.11.2020 г.).

²Постановление Верховного Суда Российской Федерации по делу 47-АФ19-434 от 25.06.2019 г.; дело № А47-

Анализ практики применения норм международного права судами общей юрисдикции показывает, что они применяют акты и решения международных органов, а также принципы международного права и положения международных договоров в следующих случаях:

- 1) при отсылке к базовым правам человека¹;
- 2) в качестве дополнительного правового основания, а соответствующие ссылки делаются в дополнение к указанию нормы внутреннего законодательства²;
- 3) при необходимости оправдать введение защитных мер против нарушителей права Российской Федерации или привлечения их к ответственности³;
- 4) при отмене в порядке надзора вынесенных ранее актов по решению Европейского суда по правам человека.

Принимая во внимание то, что вопросы защиты и реализации прав человека регулируются как внутригосударственным, так и международным правом⁴, сложившаяся ситуация по применению норм международного права и правовых позиций международных органов выглядит как баланс между суверенитетом и правами человека, который устанавливает каждое государство. Однако, представляется, что в таком вопросе, как защита прав человека, не должно быть поиска баланса между частным и публичным интересом. И, если государство подписало соответствующий договор или вступило в международную организацию, права человека должны защищаться на гарантированном международным правом уровне.

8186/2013 по спору между ООО «Оренбург Водоканал» и ООО «Оренбургский молочный комбинат».

¹Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2000 г. № 8-П по жалобе компании «Timbers Holdings International Limited на ограничение права собственности, дела Верховного Суда РФ о применении Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, рекомендаций МОТ; Амирова М.А. Международные судебные учреждения и внутренне право Российской Федерации: монография. Москва: Юнити-Дана: Закон и право, 2012. С. 198.

²См., в частности Решение № 12-90/2019 от 29 мая 2019 г. по делу № 12-90/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 19.10.2020).

³См., в частности, решения по делам № А47-6067/2019, А47-6068/2019, А47-6071/2019, А47-6070/2019, А47-664/2019.

⁴Карташкин В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М.: Норма: ИНФРА-М. 2011. С. 8.

Вопросы для контроля по теме:

1. Определите место Верховного Суда Российской Федерации в судебной системе России.

2. В каких постановлениях Верховного Суда Российской Федерации определено, как суды общей юрисдикции должны применять международное право?

3. Какие исключения в применении норм международного права устанавливает Верховный Суд Российской Федерации?

4. Определите вклад правовых позиций и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в развитие вопроса о применении норм международного права судами общей юрисдикции.

5. Приведите пример решений судов общей юрисдикции, в которых бы применялись нормы международного права, либо в которых было отказано в их применении.

§ 5. Применение норм международного права арбитражными судами Российской Федерации

Как было отмечено в предыдущих параграфах, нормы международного права не имеют абсолютной и незыблемой силы для судебных органов Российской Федерации. Для их применения установлены определенные условия и оговорки. Действительно, по большей части национальные суды выносят свои решения, опираясь на нормы внутригосударственного права. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что внутригосударственное право в силу своей природы более подробно регламентирует те права, обязанности и ответственность, которые предусмотрены нормами международного права. Более того именно внутригосударственное законодательство чаще всего содержит гарантии реализации прав, закрепленных в международных правовых актах.

Однако это вовсе не говорит о том, что национальные суды не используют или не должны использовать нормы международного права. Анализируя решения арбитражных судов субъектов РФ можно сделать вывод о том, что они применяют нормы международного права при вынесении своих решений, однако чаще всего это бывает именно в мотивировочной части вместе с нормами внутригосударственного права. Найти решение суда, в котором арбитражный суд опирался исключительно на нормы международного права, при написании данного пособия не удалось.

Правовую основу применения арбитражными судами Российской Федерации норм международного права составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (в частности, статьи 13, 16, 144, 244).

Большое значение для правильного применения международно-правовых норм имеет Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 июня 1999 года № 8 «О действии международных договоров

Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса»¹, в соответствии с которым арбитражные суды применяют вступившие в силу и должным образом доведенные до всеобщего сведения международные договоры Российской Федерации независимо от их конкретного наименования, предусмотрен список официальных источников опубликования международных договоров РФ (например, «Бюллетень международных договоров», «Российская газета»), установлен принцип приоритета двустороннего международного договора как специального по отношению к многосторонним международным договорам регионального и всеобщего характера². Также, исходя из анализа пункта 12 указанного постановления, можно констатировать, что в отношении судебных расходов для иностранных лиц установлен принцип национального режима. Подавляющее большинство пунктов данного постановления уже утратили свою силу, но в целом постановление пока действует.

Интересно, что в период деятельности Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в нем функционировало Управление международного права и сотрудничества. Более того, одной из задач этого Управления было осуществление мер, направленных на эффективное применение арбитражными судами международного права, в том числе международно-правовых и коллизионных норм, правил иностранного законодательства, применяемых при рассмотрении споров с участием иностранных лиц, а также споров, осложненных иными видами иностранного и (или) международного элемента.

С ликвидацией ВАС РФ как отдельного самостоятельного звена судебной системы и присоединения его к Верховному Суду Российской Федерации в виде Коллегии по экономическим делам, данное управление было ликвидировано. На сегодняшний день в Верховном Суде РФ в качестве структурного подразделения существует Управление международного

¹Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса» (ред. от 26.07.2017 г.). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.11.2020 г.).

²Там же, пп. 1-3.

сотрудничества Верховного Суда, но оно занимается только справочно-информационным, организационным, аналитическим, протокольным и паспортно-визовым обеспечением международного сотрудничества Верховного Суда¹.

После ликвидации Высшего Арбитражного Суда РФ и передачи его функций Верховному Суду РФ было издано несколько постановлений, которые касались разъяснения положений относительно применения международно-правовых норм непосредственно арбитражными судами. Причем если раньше данные разъяснения давались в рамках одного постановления, то теперь подход несколько изменился: Верховный Суд дает указание по конкретному вопросу, подотрасли или же отрасли законодательства (то есть точно) и судам общей юрисдикции, и арбитражным судам, а введение данных указаний в практику и разъяснение о способах его исполнения уже осуществляется нижестоящими арбитражными судами.

Одним из постановлений, имеющих важное значение для правильного применения арбитражными судами норм международного права, является Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 года № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» (далее – Постановление № 23). В преамбуле данного Постановления содержится положение о том, что право на судебную защиту в Российской Федерации каждого, в том числе участников международной экономической деятельности, признается и гарантируется Конституцией Российской Федерации (статьями 15, 17, 19, 34, 35, 44, 46), общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации². Указание на это Верховным Судом РФ является важным аспектом

¹Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrp.ru/about/structure/394/> (дата обращения: 19.10.2020).

²Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.11.2020 г.).

для эффективного и полного рассмотрения и разрешения дел арбитражных судами и гарантией справедливого правосудия.

Кроме того согласно абзацу 1 пункта 2 Постановления № 23 «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации о судопроизводстве в арбитражных судах Российской Федерации, применяются правила международного договора (часть 3 статьи 3 АПК РФ, часть 4 статьи 13 АПК РФ)»¹, тем самым указывается на приоритет положений международного договора перед внутригосударственным правом. Пункт 28 Постановления № 23 содержит в себе положение о порядке направления иностранному лицу извещений о судебном разбирательстве, согласно которому порядок может регулироваться международными двусторонними договорами Российской Федерации с иностранными государствами об оказании правовой помощи, Гаагской конвенцией 1965 года, Соглашением 1992 года, Конвенцией 1993 года². Указание в данном пункте на ряд международных договоров позволяет сделать вывод о том, что соблюдение процессуальных прав участников судебного разбирательства является важной составляющей при разрешении дела и судам для защиты лиц следует применять не только нормы российского законодательства, но нормы международных договоров.

Изучение практики применения судами норм международных договоров при рассмотрении арбитражными судами споров имеет большое значение как с точки зрения выявления пробелов в национальном законодательстве, так и с точки зрения возможностей реализации прав лиц, участвующих в деле, на добросовестное исполнение ими своих обязанностей и эффективности судебно-правовой защиты.

¹Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.11.2020 г.).

²Там же, п. 28.

Анализируя практику рассмотрения споров арбитражными судами, можно отметить, что международные договоры применяются таковыми преимущественно при обращении к общим началам и принципам международного сотрудничества. Например, целесообразно рассмотреть категорию дел, связанных с применением Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов¹, заключенной 19 мая 1956 года (далее – Конвенция) в Женеве, участницей которой является Российская Федерация как правопреемник СССР (присоединилась 1 августа 1983 года). Так по делу № А47-11235/2015 суд в мотивировочной части ссылаясь на статьи 4 и 9 вышеуказанной Конвенции², согласно которым договор перевозки устанавливается накладной, а накладная, если не доказано иное, имеет силу договора относительно его условий и удовлетворения принятия груза перевозчиком. Тем самым суд подтвердил существование обязательства между сторонами, однако, более конкретные нормы заимствовал уже в национальном законодательстве.

Значительное число дел связано с применением Соглашения о Международном железнодорожном грузовом сообщении (далее – СМГС)³ от 1 ноября 1951 года. Например, по делу № А47-12103/2015 г. суд установил, что СМГС подлежит применению к отношениям, возникшим между сторонами при железнодорожном грузовом сообщении, и перевозка грузов производится в прямом международном железнодорожном грузовом сообщении, в том числе по накладным, предусмотренным соглашением, и только по сети железных дорог-участниц соглашения⁴. И эта норма также стала общим началом мотивировочной части решения, в ходе которого суд ссылаясь уже на нормы национального права.

¹Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов (Заключена в г. Женеве 19 мая 1956 года, вступила в силу для СССР 1 декабря 1983 года). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.11.2020 г.).

²Статья 4, 9 Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов (Заключена в г. Женеве 19 мая 1956 года, вступила в силу для СССР 1 декабря 1983 года). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.11.2020 г.).

³Соглашение о Международном железнодорожном грузовом сообщении (действует с 1 ноября 1951 г.). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.11.2020 г.).

⁴Там же, статья 2.

Особого внимания заслуживает применение судом норм Мадридского соглашения о международной регистрации знаков¹ от 14 апреля 1891 года по делам № А47-13850/2018, А47-2747/2019 суд указал, что товарные знаки получают защиту в каждой из стран, присоединившихся к указанному положению (Россия является участницей как правопреемница СССР) и привлек к административной ответственности за использование зарегистрированных в другом государстве товарных знаков лицами, не имеющих прав на реализацию товаров под данными знаками.

В некоторых случаях, нормы и принципы, а также ратифицированные Российской Федерацией международные договоры не применяются и арбитражными судами. В частности, при разрешении спора по делу № А47-8186/2013 в Арбитражном суде Оренбургской области по спору между ООО «Оренбург Водоканал» и ООО «Оренбургский молочный комбинат» о доначислении платежей за пользование услугами истца. Все инстанции по данному делу проигнорировали доводы о необходимости применять Принципы международных коммерческих контрактов УНИДРУА 1994 года, то есть даже не обосновали отказ в применении положений данного документа.

Анализ рассмотрения дел арбитражными судами показывает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации признаются составной частью ее правовой системы и арбитражными судами, но практика применения их в судебных решениях значительно ограничена. Возможно, данная закономерность связана с тем, что арбитражные суды не видят необходимости ссылаться на нормы международного права, потому что существуют внутригосударственные нормы, которые регулируют спорные правоотношения более подробно, или суд просто ими пренебрегает при рассмотрении дела. Несмотря на то, что в нашем государстве не признается безоговорочный приоритет международного права,

¹Соглашение о международной регистрации знаков (Заключено в Мадриде 14 апреля 1891 г.). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.11.2020 г.).

межгосударственные обязательства не чужды национальной арбитражной практике.

Вопросы для контроля по теме:

1. Определите место арбитражных судов в судебной системе Российской Федерации.

2. В каких постановлениях высших судов определено, как арбитражные суды Российской Федерации должны применять международное право?

3. Какие особенности применения норм международного права арбитражными судами можно выделить?

4. Определите вклад правовых позиций и разъяснений Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в развитие вопроса о применении норм международного права арбитражными судами Российской Федерации.

5. Приведите пример решений арбитражных судов, в которых применяются нормы международного права.

§ 6. Применение судами Российской Федерации права Евразийского экономического союза

Евразийский экономический союз (далее ЕАЭС, Союз) – международная организация экономической интеграции регионального характера, которая наделена собственной компетенцией и международной правосубъектностью, которая определяется Договором о Евразийском экономическом союзе¹. Союз создан в 2014 году (начал функционировать с 2015 года) с целью создания условий для стабильного развития экономик его государств-членов в интересах повышения уровня жизни населения, а также с целью развития всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Право ЕАЭС представляет собой совокупность юридических норм, которые регулируют интеграционные процессы в рамках ЕАЭС и закрепляют правовой статус самого Союза как интеграционной организации². Источниками права Союза являются: Договор о Евразийском экономическом союзе, международные договоры (в рамках Союза и с третьими странами), а также решения и распоряжения высших органов (Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии), принятые в рамках их полномочий³. Согласно статье 6, Договор о ЕАЭС имеет высшую юридическую силу по сравнению с другими договорами, заключенными в рамках Союза.

Исходя из изложенного в Договоре о ЕАЭС перечня, всю совокупность источников права Союза можно разделить на две категории:

1) источники первичного права — своего рода конституционные акты, которые учреждают Союз, наделяют его компетенцией и устанавливают основные начала правового регулирования интеграционных процессов в его

¹Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая.2014 года. URL: <http://courteurasian.org/> (дата обращения: 19.10.2020 г.).

²Там же, ст. 6.

³Там же.

рамках. Поскольку Союз не является государством, источники его первичного права принимаются в форме международных договоров, заключаемых между всеми его государствами-членами и действующих в отношениях между ними. К таким относятся: Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (действует с 1 января 2015 года), договоры о присоединении новых государств-членов (Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (подписан в Минске 10 октября 2014 года); Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (подписан в Москве 23 декабря 2014 года));

2) источники вторичного права – правовые акты его руководящих органов, за исключением судебного (решения, а равно иные акты Суда Евразийского экономического союза источниками права не считаются, т. е. имеют правоприменительный и разъяснительный, а не правотворческий характер). В эту группу источников относятся: решения органов ЕАЭС – акты, содержащие положения нормативно-правового характера¹; распоряжения, которые не содержат нормативных положений и имеют организационно-распорядительный характер; международные договоры Союза с третьей стороной – международные договоры, заключаемые Союзом с государствами, не входящими в его состав (с третьими государствами и третьими странами), их интеграционными объединениями и международными организациями.

Имплементации Договора о ЕАЭС и иных источников права Союза во внутригосударственное право способствуют общие принципы уважения и приоритета международного права, которые закреплены в основных законах государств-участников ЕАЭС. Например, согласно части 4 статьи 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью российской правовой системы². О приоритете принципов международного

¹Ст. 2 Договора о ЕАЭС.

²Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). URL: <http://courteurasian.org/> (дата обращения: 19.10.2020).

права говорится в статье 8 Основного закона Республики Беларусь, статье 8 Конституции Республики Казахстан 1993 года, ст. 6 Конституции Кыргызской Республики. Статья 6 Конституции Республики Армения содержит несколько иное положение и предусматривает, что заключенные от имени Республики Армения международные договоры применяются только после ратификации.

Договор о Евразийском экономическом союзе ратифицирован государствами-участниками ЕАЭС, следовательно, они согласились исполнять его положения и имплементировала в правовую систему. Российская Федерация подписала Договор о ЕАЭС 29 мая 2014 года в г. Астане и стала государством-членом Союза. Соответственно, право Союза является составной частью права Российской Федерации.

До конца 2019 года на практике существовала четко выраженная коллизия применения норм таможенного законодательства Российской Федерации и норм права ЕАЭС. Сущность данной проблемы сводится к определению приоритета между нормами Российской Федерации и нормами права ЕАЭС. Перед правоприменителями стоял вопрос об иерархии вышеуказанных источников нормативно-правового регулирования. Основным поводом для такой коллизии стало принятое в 2016 году Верховным Судом РФ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.05.2016 № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» (далее - Постановление № 18). Согласно пункту 2 Постановления № 18, действующему до внесения в него изменений¹, в случае возникновения коллизии между регулирующими таможенные отношения нормами права Союза и нормами законодательства Российской Федерации о таможенном деле применению подлежит право Союза. Однако, судам необходимо принимать во внимание, что коллизионный приоритет права Союза не может приводить к нарушению прав и свобод граждан (организаций), гарантированных Конституцией Российской Федерации. В частности, при применении норм

¹Данные приводятся по состоянию на 25 ноября 2019 года. 26 ноября 2019 года в Постановление № 18 были внесены изменения.

права Союза, которые устанавливают (изменяют, прекращают) права и обязанности по уплате таможенных платежей, использованию таможенных льгот, должен учитываться принцип недопустимости придания обратной силы новому таможенному регулированию, ухудшающему положение участников длящихся правоотношений. В действовавшем до него Постановлении Высшего Арбитражного суда РФ от 8 ноября 2013 г. № 79, таможенному законодательству Таможенного союза отдавался безоговорочный приоритет без каких-либо оговорок.

В Постановлении № 18 даже при перечислении источников допускалась некая иерархия. В пункте 1 документа определено, что правовое регулирование таможенных отношений осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, международными договорами, входящими согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации в ее правовую систему, и законодательством Российской Федерации о таможенном деле. К числу указанных международных договоров относится Договор о Евразийском экономическом союзе и иные международные соглашения, заключенные Российской Федерацией с государствами - членами Союза, другими государствами, международными организациями и образованиями»¹. Таким образом, согласно Постановлению № 18, в судах РФ Договор о Союзе должен был применяться с учетом положений Конституции Российской Федерации.

В конце октября 2019 года Верховный Суд РФ представил проект Постановления Пленума «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза», в котором судьи высказали свое мнение по ключевым вопросам правоприменительной практики в сфере таможенного законодательства ЕАЭС. Общими положениями проекта было установлено верховенство Таможенного кодекса ЕАЭС над иными международными договорами, регулирующими таможенные правоотношения, решения

¹Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.05.2016 № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197839/ (дата обращения: 09.10.2020).

Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) являются актами, регулирующими таможенные правоотношения в Российской Федерации, а также, что при применении и толковании норм права ЕАЭС должны учитываться судебные акты, принятые Судом ЕАЭС.

Постановление № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» было принято 26 ноября 2019 года (далее – Постановление № 49), оно отменило действие пп. 1 – 37 Постановления № 18. В п. 1 Постановления № 49 предусмотрено, что правовое регулирование таможенных отношений в Российской Федерации осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами, входящими согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации в ее правовую систему, и законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании. К числу указанных международных договоров, в частности, относятся Договор о ЕАЭС и Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее - Таможенный кодекс), а также иные международные договоры, составляющие право Союза. При этом положения Таможенного кодекса имеют приоритет перед иными регулирующими таможенные отношения международными договорами, входящими в право Союза, за исключением Договора о ЕАЭС. Таким образом, в Постановлении № 49 также подтверждено верховенство Конституции Российской Федерации и ее приоритет над правом ЕАЭС. Причем, в пункте 4 Постановления № 49 предусмотрено, что в случае возникновения коллизии между регулирующими таможенные отношения нормами права Союза и положениями законодательства Российской Федерации, применению подлежит право Союза. Однако, коллизионный приоритет права Союза не может приводить к нарушению прав и свобод граждан (организаций), гарантированных Конституцией Российской Федерации. В частности, при применении актов Союза, которые устанавливают (изменяют, прекращают) права и обязанности

участников таможенных отношений, в том числе по уплате таможенных платежей и использованию льгот по уплате таможенных платежей, должны учитываться принципы поддержания доверия к закону и действиям государства, недопустимости придания обратной силы новому таможенному регулированию, ухудшающему положение участников внешнеэкономической деятельности. Следовательно, можно сделать вывод, что в последние годы суды отходят от безусловного приоритета положений права ЕАЭС перед внутригосударственным правом.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что положения первичных источников права ЕАЭС применяются совместно с основными внутригосударственными актами. В судебной практике нет решения, в котором бы суды ссылались на право ЕАЭС в обход внутригосударственному законодательству.

В основном, ссылки на акты первичного права ЕАЭС делаются при обращении к общим принципам таможенного регулирования, построения единого экономического пространства, а также на конкретные приложения Договора о Союзе. Большая часть решений арбитражных судов, в которых упоминается Договор о Евразийском экономическом союзе, выносятся по вопросу о привлечении к административной ответственности лиц, нарушивших требования таможенного законодательства (например, при перемещении товара через границу без декларирования, в нарушении правил безопасности, без уплаты платежей, при незаконном использовании товарного знака и т.д.)¹. Согласно статье 6 Таможенного кодекса ЕАЭС, в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу Союза с нарушением требований, установленных международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования, применяются меры таможенно-тарифного регулирования, запреты и ограничения, меры защиты внутреннего рынка, международные

¹См., в частности решения по делам № А47-6067/2019, А47-6068/2019, А47-6071/2019, А47-6070/2019, А47-664/2019, А47-1696/2019, А47-2838/2018, А47-298/2018, А47-584/2018, А47-10371/2016, Определение Верховного суда РФ № 307-ЭС19-8574 от 17.06.2019 года, Определение Верховного суда РФ по делу А 53-14724/2016.

договоры и акты в сфере таможенного регулирования, законодательные акты государств-членов в сфере налогообложения, действующие на день фактического пересечения товарами таможенной границы Союза, если иное не установлено настоящим Кодексом, в соответствии с Договором о Союзе или международными договорами в рамках Союза, а в отношении применения законодательных актов государств-членов в сфере налогообложения - также законодательством государств-членов. Согласно статье 29 Договора о Евразийском экономическом союзе, государства-члены во взаимной торговле товарами вправе применять ограничения функционирования внутреннего рынка товаров, если это необходимо для:

- 1) охраны жизни и здоровья человека;
- 2) защиты общественной морали и правопорядка;
- 3) охраны окружающей среды;
- 4) охраны животных и растений, культурных ценностей;
- 5) выполнения международных обязательств;
- 6) обеспечения обороны страны и безопасности государства-члена.

Также страна-участник ЕАЭС может вводить на внутреннем рынке санитарные, ветеринарно-санитарные и карантинные фитосанитарные меры при необходимости, а также ограничивать оборот отдельных категорий товаров¹. Таким образом, ссылка на право Союза чаще используется при необходимости оправдать введение защитных мер против нарушителей права Союза и Российской Федерации.

Анализ судебных решений позволяет также говорить о том, что судьи активно ссылаются на Таможенный кодекс Евразийского экономического союза для применения норм административной ответственности. Например, по делам № А47-3421/2019, А47-6067/2019, А47-6063/2019 суд привлек к административной ответственности лиц по факту ввоза обществом на территорию Российской Федерации товаров, маркированных обозначениями,

¹Определение Верховного суда РФ № 307-ЭС19-8574 от 17.06.2019 года, Определение Верховного суда РФ по делу А 53-14724/2016.

сходными до степени смешения с зарегистрированным товарным знаком, правообладателем которых общество не является, ссылаясь на пункт 6 часть 2 статьи 351 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза¹, согласно которому в целях выполнения возложенных на таможенные органы задач таможенные органы в пределах своей компетенции выполняют, в числе прочего, функцию защиты прав на объекты интеллектуальной собственности на таможенной территории Союза. Например, по делам А47-3421/2019, А47-6067/2019, А47-6063/2019 суд привлек к административной ответственности лиц по факту ввоза обществом на территорию Российской Федерации товаров, маркированных обозначениями, сходными до степени смешения с зарегистрированным товарным знаком, правообладателем которых общество не является, ссылаясь на пункт 6 часть 2 статьи 351 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза², согласно которому в целях выполнения возложенных на таможенные органы задач таможенные органы в пределах своей компетенции выполняют, в числе прочего, функцию защиты прав на объекты интеллектуальной собственности на таможенной территории Союза.

На практике неприменение общих принципов и норм международного права при разрешении конкретных вопросов – расчете таможенных платежей, определении кодов ТВ ВЭД может вызвать пробелы в правовом регулировании. Например, Договор о ЕАЭС не применяется судами при начислении таможенных пошлин и решении споров о классификации товаров. С одной стороны, это понятно, так как в сфере таможенного регулирования есть специальные акты: Таможенный кодекс ЕАЭС, решения Евразийской экономической комиссии, которые прямо регулируют данные вопросы. Однако, с другой стороны, при перемещении товаров через границу в странах – участницах ЕАЭС возникает много практических ситуаций, которые разрешаются таможенными органами по-разному (для одного и того же товара

¹Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.11.2020 г.).

²Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/576887823f291ab761d8a97a3286717ddbca7c6d/ (дата обращения: 22.10.2020 г.).

применяется разный код ТНВЭД, используются различные методы начисления таможенных платежей). Интересно то, что, не применяя в таких случаях Договор о Евразийском экономическом союзе, внутригосударственные суды опираются на иные международные договоры, не решая вопрос об их соотношении с правом ЕАЭС.

Так, в пункте 4 Постановления Пленума № 18 было установлено, что действующее в Союзе регулирование по вопросам определения таможенной стоимости ввозимых товаров основано на принципах и общих правилах, установленных статьей VII Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года и Соглашением по применению статьи VII ГАТТ 1994 года (эти документы устанавливают основные методы определения таможенной стоимости товаров и их приоритетность). На практике, данная неопределенность вызывала вопросы. Например, в деле № А56-51386/2016 по заявлению «Самсунг Электроникс Рус Компани», Верховный Суд РФ определил, что при определении ставки ввозной таможенной пошлины приоритет имеют нормы Соглашения ВТО, подтвержденные Договором о функционировании таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы, который был заключен только тремя участниками ЕАЭС – Россией, Беларуссией и Казахстаном 19 октября 2011 года¹. Поэтому, в данном споре было применено положения права ВТО, а не ЕАЭС.

Согласно п. 7 Постановления № 49, правила определения таможенной стоимости товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза, установленные главой 5 Таможенного кодекса и правовыми актами Комиссии, также применяются с учетом принципов и правил, установленных статьей VII Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года (далее - ГАТТ 1994) и Соглашением по применению статьи VII ГАТТ 1994 (пункт 1 статьи 38 Таможенного кодекса). Кроме того, в Постановлении № 49 отмечается, что при отсутствии в актах таможенного регулирования положений по отдельным

¹Определение Верховного Суда РФ по делу № А56-51386/2016 от 11.12.2017. URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 20.01.2020 г.).

вопросам оценки товаров в таможенных целях, их недостаточной полноте или определенности суды могут учитывать консультативные заключения, информацию и рекомендации Всемирной таможенной организации, принимаемые в соответствии с пунктом 2 статьи 18 Соглашения по применению статьи VII ГАТТ 1994.

Довольно много вопросов на практике возникало при определении кода ТН ВЭД классификации товара. Можно привести в пример несколько дел. Так, в одном из них, компания ООО «Борк-Импорт» обратилась в Арбитражный суд Кемеровской области с заявлением о признании незаконным решения об определении кода товара Кемеровской таможней¹. Требования Общество мотивировало следующим. При классификации товара таможенным органом не были учтены основные свойства и функционал товара - Bork V602 (парового очистителя). Общество полагало, что таможенным органом спорный товар неправомерно отнесён к ТН ВЭД 8516, где указывается о функциональном назначении машин, а именно, об электронагреве. Однако изначально паровой очиститель относится к категории ТН ВЭД 8424, где речь идёт о функции устройства - создании струи пара. Разрешая данный спор, суд, ссылаясь на решение Евразийской экономической комиссии от 11 мая 2017 года № 51 «О классификации бытового отпаривателя для одежды в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза», где указанный товар аналогичен паровому очистителю, и следовательно, бытовой отпариватель для одежды подлежит классификации в товарной позиции 8516 ТН ВЭД. Таким образом, суд отказал ООО «Борк-Импорт» в удовлетворении исковых требований.

Важным для практики таможенных правоотношений представляется разъяснение, данное в п. 22 Постановления № 49, в котором установлены общие основы классификации товаров для таможенной стоимости. Так, в данном пункте определено, что международной основой ТН ВЭД выступает

¹Решение АС Кемеровской области РФ по делу № А27-17551/2019 от 22 ноября 2019г. URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 23.10.2020 г.).

Гармонизированная система описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации, функционирующая на основании Международной Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года. При разрешении споров, вызванных неоднозначностью возможных вариантов классификации товаров, суды также могут принимать во внимание рекомендации и разъяснения по классификации, данные Всемирной таможенной организацией, и международную практику классификации ввезенных товаров в странах, использующих Гармонизированную систему, которую могут представлять судам таможенные органы. При этом указанные доказательства не имеют для суда заранее установленной силы и подлежат оценке в совокупности с иными доказательствами, обосновывающими правильность классификации товара в соответствии с ТН ВЭД. Установив данные ориентиры, Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении № 49 решил многие вопросы о соотношении норм международного права, права ЕАЭС и национального права, которые ранее были актуальны для практики.

Интересным представляется обратиться и к статистике рассмотрения дел, связанных с применением права ЕАЭС, на примере такого субъекта Российской Федерации, как Оренбургская область. Город Оренбург всегда выступал сердцем торгово-экономических связей с Республикой Казахстан. В условиях сотрудничества России и Казахстана в рамках созданного в 2014 году Евразийского экономического союза, Оренбургская область в силу своего приграничного положения стала одним из центров непосредственной реализации всех международных соглашений и договоренностей ЕАЭС. Если обратиться к официальному portalу решений арбитражных судов – <http://ras.arbitr.ru/>¹, за 2019 год Арбитражным судом Оренбургской области было вынесено 122 решения, в которых имеется ссылка на нормы Евразийского экономического союза,. При этом согласно Информации, представленной на официальном сайте Арбитражного суда Оренбургской области², с начала 2019

¹Официальный портал решений арбитражных судов ГАС «Электронное правосудие». URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 23.10.2020 г.)

²Официальный сайт Арбитражного суда Оренбургской области. URL: <http://www.orenburg.arbitr.ru> (дата

года по октябрь 2019 год было рассмотрено 7194 дел. Путем несложных математических вычислений можно сделать вывод о том, что из всех дел, рассмотренных за 2019 году, в 1,7% принятых решений имеется ссылка на нормы Евразийского экономического союза.

Проведенный анализ применения права ЕАЭС показывает, что несмотря на достаточно недавнее функционирование ЕАЭС, право Союза довольно быстро вошло в систему российского права. Судами Российской Федерации непосредственно применяются как сам Договор о Евразийском экономическом союзе, так и решения его органов, в том числе Евразийской экономической комиссии. Наиболее активному применению подлежит Таможенный кодекс ЕАЭС. При этом, при возникновении вопросов Верховный суд РФ заполняет пробел посредством подготовки соответствующих разъяснений. Если проанализировать текст судебных актов, то можно сделать вывод о том, что положения права ЕАЭС не будут превалировать над внутренним законодательством Российской Федерации, если нормы права Союза противоречат Конституции Российской Федерации, либо если на территории Оренбургской области нет механизма или институтов, которые могут обеспечить реализацию прав и свобод, предусмотренных в международных соглашениях ЕАЭС.

Таким образом, рассмотрев практику судебных учреждений Российской Федерации можно сделать вывод, что применение международного права не является редкостью для нашей правовой системы. Однако, в различных спорах подход к использованию норм международного права неоднозначен. Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Применение международных договоров и правовые позиции международных органов применяются в следующих случаях:

- 1) при отсылке к базовым правам человека;

2) в качестве дополнительного правового основания, а соответствующие ссылки делаются в дополнение к указанию нормы внутреннего законодательства;

3) при необходимости оправдать введение защитных мер против нарушителей права Российской Федерации или для привлечения их к ответственности;

4) при отмене в порядке надзора вынесенных ранее актов по решению Европейского суда по правам человека.

Нормы международного договора не будут применяться на территории Российской Федерации, даже если этот договор ратифицирован, если:

1) он противоречит Конституции Российской Федерации;

2) в государстве нет механизмов или органов, которые могут обеспечить реализацию прав и свобод.

Несмотря на то, что в нашем государстве не признается безоговорочный приоритет международного права, межгосударственные обязательства нашей страны активно реализуются на практике. Применение международно-правовых норм способствует развитию защиты прав человека и основных свобод, а также совершенствованию деятельности органов национального правосудия. Такое сотрудничество национального и международного права станет основой для взаимодействия международных и национальных судебных органов в будущем.

Вопросы для контроля по теме:

1. Определите место права Евразийского экономического союза в правовой системе Российской Федерации.

2. В каких постановлениях высших судов определено, как суды Российской Федерации должны применять таможенное право ЕАЭС?

3. Какие можно назвать особенности применения источников права ЕАЭС?

4. Определите вклад правовых позиций и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в развитие вопроса о применении норм права ЕАЭС судами Российской Федерации.

5. Приведите пример решений арбитражных судов, в которых применяется право Евразийского экономического союза.

*Приложение. Основные акты, необходимые для самостоятельного
изучения темы:*

Конституция Российской Федерации
(принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе
общероссийского голосования 01.07.2020)

(выдержки)

Статья 15

1. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации.

2. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы.

3. Законы подлежат **официальному опубликованию**. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

4. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Статья 79

Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Статья 79.1

Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства.

Статья 118

1. Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом.
2. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства <*>.
3. Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Судебную систему Российской Федерации составляют Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов Российской Федерации. Создание чрезвычайных судов не допускается <*>.

Венская конвенция о праве международных договоров

Принята 23 мая 1969 года

(выдержки)

Статья 52. Принуждение государства посредством угрозы силой или ее применения

Договор является ничтожным, если его заключение явилось результатом угрозы силой ее применения в нарушение принципов международного права, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций.

Статья 53. Договоры, противоречащие императивной норме общего международного права (jus cogens)

Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права. Поскольку это касается настоящей Конвенции, императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 14 июля 2015 г. N 20-П

ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 1.7 И ПУНКТА 2 СТАТЬИ 31.7 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СВЯЗИ С ЗАПРОСОМ МИРОВОГО СУДЬИ СУДЕБНОГО УЧАСТКА N 1 ВЫКСУНСКОГО СУДЕБНОГО РАЙОНА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь [статьей 125 \(часть 4\) Конституции Российской Федерации](#), [пунктом 3.1 части первой](#), [частями третьей и четвертой статьи 3](#), [частью первой статьи 21](#), [статьями 36, 47.1, 74, 86, 101, 102 и 104](#) Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации",

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 КоАП Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явился запрос мирового судьи судебного участка N 1 Выксунского судебного района Нижегородской области. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли [Конституции](#) Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.Н. Кокотова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Согласно части 2 статьи 1.7 КоАП Российской Федерации закон, смягчающий или отменяющий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшающий положение лица, совершившего административное правонарушение, имеет обратную силу, т.е. распространяется и на лицо, которое совершило административное правонарушение до вступления такого закона в силу и в отношении которого постановление о назначении административного наказания не исполнено; закон,

устанавливающий или отягчающий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

Пункт 2 статьи 31.7 данного Кодекса предусматривает, что судья, орган, должностное лицо, вынесшие постановление о назначении административного наказания, прекращают исполнение постановления в случае отмены или признания утратившими силу закона или его положения, устанавливающих административную ответственность за содеянное.

1.1. Конституционность приведенных законоположений оспаривается в запросе мирового судьи судебного участка N 1 Выксунского судебного района Нижегородской области, чьим постановлением от 26 сентября 2014 года гражданин Р.А. Огурцов был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 14.1.1 КоАП Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 20 июля 2011 года N 250-ФЗ), выразившегося в организации и проведении азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны и с использованием сети "Интернет", и ему, как индивидуальному предпринимателю, т.е. несущему административную ответственность в качестве должностного лица (примечание к статье 2.4 КоАП Российской Федерации), был назначен административный штраф в размере тридцати тысяч рублей.

Данное постановление, оставленное без изменения решением Выксунского городского суда Нижегородской области от 4 декабря 2014 года, вступило в законную силу.

Между тем Федеральным [законом](#) от 22 декабря 2014 года N 430-ФЗ "О внесении изменений в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 14.1.1 и 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях", введенным в действие с 3 января 2015 года, часть 1 статьи 14.1.1 КоАП Российской Федерации была изложена в новой редакции, а административная ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр вне игорной зоны и с использованием сети "Интернет" сохранена только для юридических лиц. Тем же Федеральным [законом](#) была изложена в новой редакции и [статья 171.2](#) "Незаконные организация и проведение азартных игр" УК Российской Федерации, предусматривающая, что незаконные организация и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет", а также средств связи, в том числе подвижной связи, либо без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне наказываются штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех

лет, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо ограничением свободы на срок до четырех лет, либо лишением свободы на срок до двух лет (часть первая).

26 января 2015 года мировому судье судебного участка N 1 Выксунского судебного района Нижегородской области поступило ходатайство Р.А. Огурцова о прекращении исполнения вынесенного в отношении него постановления в связи с отменой административной ответственности за вмененное ему деяние.

Придя к выводу о том, что имеется неопределенность в вопросе о конституционности положений части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 КоАП Российской Федерации, мировой судья судебного участка N 1 Выксунского судебного района Нижегородской области своим определением от 28 января 2015 года приостановил производство по делу и обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке их конституционности.

1.2. В силу требований статей 74, 101 и 102 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по запросу суда конституционность оспариваемых им законоположений, принимает постановление по предмету, указанному в запросе, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, а также сложившейся правоприменительной практикой, и исходя из их места в системе правовых норм.

Как утверждает заявитель, оспариваемые им законоположения противоречат статьям 2, 15 (часть 1), 18, 19 (часть 1) и 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, поскольку, предусматривая безусловное прекращение исполнения вступившего в законную силу постановления о назначении административного наказания в случае, когда закон, устанавливавший административную ответственность за конкретное деяние, отменяется в связи с установлением уголовной ответственности за данное деяние, не обеспечивают достижение цели административного наказания лица за совершенное им правонарушение.

Соответственно, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 КоАП Российской Федерации, выступающие правовым основанием для решения вопроса о прекращении исполнения вступившего в законную силу постановления суда о назначении административного наказания в случае отмены закона, устанавливавшего административную ответственность за соответствующее деяние, при введении уголовной ответственности за его совершение.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая Россию демократическим правовым государством, в котором высшей ценностью являются человек, его права и

свободы, а основополагающей конституционной обязанностью государства - признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, которые могут быть ограничены только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статьи 1 и 2; статья 55, часть 3), предъявляет тем самым особые требования к качеству законов, опосредующих взаимоотношения граждан с публичной властью, применения содержащихся в них нормативных положений и исполнения вынесенных на их основе судебных и иных правоприменительных решений.

Из приведенных положений Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 15 (часть 2), 17, 19 (части 1 и 2), 45 (часть 1), 71 (пункты "а", "в", "о", "п"), 72 (пункты "б", "к" части 1) и 76 (части 1 и 2) следует, что в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности, правопорядка, государственной и общественной безопасности, а также в иных конституционно значимых целях федеральный законодатель не только вправе, но и обязан использовать все доступные - в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий - средства, включая установление административной и уголовной ответственности за те или иные деяния, руководствуясь при этом, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, общими принципами юридической ответственности, которые имеют универсальное значение и по своей сути относятся к основам конституционного правопорядка.

Осуществляя правовое регулирование оснований, условий и сроков привлечения к административной и уголовной ответственности, федеральный законодатель должен исходить из того, что юридическая ответственность может наступать только за те деяния, которые законом, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями; наличие состава правонарушения является необходимым основанием для всех видов ответственности, а его признаки и содержание конкретных составов правонарушений должны согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства, включая требование справедливости, в его взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами как субъектами ответственности; общепризнанным принципом привлечения к ответственности во всех отраслях права является наличие вины как элемента субъективной стороны состава правонарушения, а всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. предусмотрено непосредственно в законе (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2001 года N 1-П, от 17 июля 2002 года N 13-П, от 18 мая 2012 года N 12-П и др.).

При установлении и изменении составов административных и уголовных правонарушений и мер ответственности за их совершение федеральный законодатель связан вытекающими из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации критериями необходимости, пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым целям, а также обязан соблюдать гарантированный статьей 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации принцип равенства всех перед законом, означающий, что любое административное или уголовное правонарушение, как и санкции за их совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы (в случае необходимости - с помощью толкования, данного ей судами) каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий (бездействия). В противном случае может иметь место противоречивая правоприменительная практика, что ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан и их объединений от произвольного юрисдикционного преследования и наказания (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 года N 4-П).

3. Законы, устанавливающие, изменяющие или отменяющие административную или уголовную ответственность, должны соответствовать конституционным правилам действия закона во времени: согласно статье 54 Конституции Российской Федерации закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет (часть 1); никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением; если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон (часть 2).

Данные правила, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, основанные на общеправовых принципах справедливости, гуманизма и соразмерности ответственности за совершенное деяние его реальной общественной опасности, имеют универсальное для всех видов юридической ответственности значение и являются обязательными и для законодателя, и для правоприменительных органов, в том числе судов; принятие законов, устраняющих или смягчающих ответственность, по-новому определяет характер и степень общественной опасности тех или иных правонарушений и правовой статус лиц, их совершивших, вследствие чего законодатель не может не предусмотреть - исходя из конституционно обусловленной обязанности распространения действия такого рода законов на ранее совершенные деяния - механизм придания им обратной силы, а уполномоченные органы не вправе уклоняться от принятия юрисдикционных решений об освобождении конкретных лиц от ответственности и наказания или о смягчении ответственности и наказания, оформляющих изменение статуса

этих лиц (Постановление от 20 апреля 2006 года N 4-П; определения от 16 января 2001 года N 1-О, от 10 октября 2013 года N 1485-О и от 21 ноября 2013 года N 1903-О).

Положения статьи 54 Конституции Российской Федерации, устанавливающие правила действия закона во времени, конкретизируются в отраслевом законодательстве.

Так, согласно статье 9 УК Российской Федерации преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния (часть первая); временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий (часть вторая), а статья 10 УК Российской Федерации предусматривает, что уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, т.е. распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость, а уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет (часть первая); если новый уголовный закон смягчает наказание за деяние, которое отбывается лицом, то это наказание подлежит сокращению в пределах, предусмотренных новым уголовным законом (часть вторая).

В соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации уголовное дело подлежит прекращению в связи с отсутствием в деянии состава преступления в случае, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость этого деяния были устранены новым уголовным законом; прекращение уголовного дела влечет за собой одновременно прекращение уголовного преследования (пункт 2 части первой, части вторая и третья статьи 24; пункт 2 части первой статьи 27); к числу вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора, отнесен вопрос об освобождении от наказания или о смягчении наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, в соответствии со статьей 10 УК Российской Федерации (пункт 13 статьи 397).

Аналогичные правила содержит Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Согласно данному Кодексу лицо, совершившее административное правонарушение, подлежит ответственности на основании закона, действовавшего во время совершения административного правонарушения (часть 1 статьи 1.7); при этом закон, который смягчает или отменяет административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшает положение лица, совершившего административное

правонарушение, имеет обратную силу, т.е. распространяется и на лицо, которое совершило административное правонарушение до введения в действие данного закона и в отношении которого постановление о назначении административного наказания не исполнено; если же закон устанавливает или отягчает административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом ухудшает положение лица, то такой закон обратной силы не имеет (часть 2 статьи 1.7); отмена закона, установившего административную ответственность, является обстоятельством, исключающим производство по делу об административном правонарушении (пункт 5 части 1 статьи 24.5); в случае отмены или признания утратившими силу закона или его положения, устанавливающих административную ответственность за содеянное, судья, орган, должностное лицо, вынесшие постановление о назначении административного наказания, прекращают исполнение постановления (пункт 2 статьи 31.7).

Приведенные положения части 2 статьи 1.7 КоАП Российской Федерации, относящиеся к принципам административно-деликтного регулирования, по существу, воспроизводят предписания [статьи 54 Конституции Российской Федерации](#), конкретизируя их применительно к сфере административных правонарушений (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 года [N 1485-О](#) и от 21 ноября 2013 года [N 1903-О](#)), и потому не могут рассматриваться как противоречащие [Конституции Российской Федерации](#).

Таким образом, в Российской Федерации как правовом демократическом государстве привлечение виновного лица к административной или уголовной ответственности, которые являются разновидностями публично-правовой ответственности, осуществляется на основании закона, действовавшего на момент совершения им противоправного общественно опасного деяния, при этом в случае усиления общественной опасности совершенного деяния и соответствующего изменения правового регулирования не допускается распространение на лицо, привлекаемое к такой ответственности, закона, ухудшающего его положение, в том числе посредством увеличения размера наказания, предусмотренного за его совершение, или замены его более строгой санкцией.

В то же время исходя из гуманистических соображений на такое лицо распространяются изменения закона, обусловленные снижением общественной опасности наказуемого деяния и ослаблением вследствие этого меры ответственности, в том числе заменяющие вид ответственности на менее строгий, т.е. изменения, которые - в контексте общеправового регулирования и с учетом всех правовых последствий нововведений в сложившейся структуре права - могут расцениваться как улучшающие правовое положение лица, совершившего противоправное деяние.

Иное понимание приведенных законоположений, действующих во взаимосвязи с положениями Конституции Российской Федерации, прежде всего ее статьи 54, допускало бы возможность необоснованной формализации соответствующих правовых предписаний и их применение вопреки смыслу и роли законодательных изменений.

4. Правила, закрепленные Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовным кодексом Российской Федерации, применяются в сфере действия каждого из них, при этом из данных правил с неизбежностью вытекает, что не имеет обратной силы закон, вводящий уголовную ответственность за деяние, ранее признававшееся административным правонарушением.

В то же время законодательство не содержит прямого указания на то, как действуют во времени законы (положения законов), отменяющие административную ответственность за те или иные деяния, если такая отмена одновременно сопровождается криминализацией указанных деяний.

4.1. Судебная практика в данном случае исходит в основном из общего правила об обратной силе закона, отменяющего административную ответственность. Так, суды различных инстанций, рассматривая ранее возбужденные в отношении граждан и должностных лиц дела об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 14.1.1 КоАП Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 20 июля 2011 года N 250-ФЗ), прекращали производство по этим делам в связи с отменой административной ответственности для граждан и должностных лиц, притом что одновременно вводилась уголовная ответственность за те же самые деяния (постановления Верховного Суда Республики Татарстан от 15 января 2015 года и от 27 февраля 2015 года; Свердловского областного суда от 7 апреля 2015 года; Вологодского областного суда от 27 апреля 2015 года; Верховного Суда Республики Башкортостан от 6 мая 2015 года; Архангельского областного суда от 18 мая 2015 года; Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2015 года).

Между тем административная ответственность и ответственность уголовная, будучи разновидностями публично-правовой ответственности, преследуют общую цель охраны публичных интересов, прежде всего таких как защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности и правопорядка. В силу этого они имеют схожие задачи, принципы и тем самым дополняют друг друга.

Так, согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях задачами законодательства об административных правонарушениях являются защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, охрана здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защита общественной

нравственности, охрана окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений (статья 1.2), а цель административного наказания как установленной государством меры ответственности за совершение административного правонарушения - предупреждение совершения новых правонарушений как самими правонарушителями, так и другими лицами (часть 1 статьи 3.1). Задачами же Уголовного кодекса Российской Федерации являются охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений (часть первая статьи 2).

Применение мер административной и уголовной ответственности базируется на закрепляемых схожим образом принципах равенства всех перед законом, законности, вины как обязательного основания ответственности, гуманности (статьи 1.4 - 1.6 КоАП Российской Федерации, статьи 3 - 7 УК Российской Федерации). Потому и федеральный законодатель во многих случаях конструирует составы административных правонарушений и преступлений как смежные, а также, принимая во внимание изменение степени общественной опасности тех или иных правонарушений, другие обстоятельства, зачастую преобразует составы административных правонарушений в составы преступлений и наоборот.

4.2. Установленное частью 2 статьи 1.7 КоАП Российской Федерации правило об обратной силе закона, отменяющего административную ответственность, не должно интерпретироваться в отрыве от принципиальных положений, закрепленных в статье 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, имеющих межотраслевое юридическое значение. Это означает, что отмена административной ответственности за то или иное деяние с одновременной заменой ее уголовной ответственностью не может считаться устранением ответственности за совершение соответствующего деяния, иными словами, установление уголовной ответственности за деяние, которое ранее признавалось административно наказуемым, не может свидетельствовать об отмене публично-правовой ответственности за такое деяние.

Более того, криминализация федеральным законодателем деяний, ранее признаваемых административными правонарушениями, представляет собой ужесточение публично-правовой ответственности за их совершение, проявляющееся в повышенной строгости

уголовных санкций по сравнению с административными санкциями, большей степени ограничения прав при применении уголовно-правового института судимости по сравнению с институтом административной наказанности. Отмена законом административной ответственности за определенное деяние с одновременным переводом такого деяния под действие Уголовного кодекса Российской Федерации означает, что законодатель не только продолжает оценивать данное деяние как правонарушающее, но и считает возросшей степень его общественной опасности.

Соответственно, применительно к вопросу о возможном прекращении на основании пункта 2 статьи 31.7 КоАП Российской Федерации в подобных случаях исполнения вступившего в законную силу постановления суда о назначении административного наказания отмена административной ответственности за конкретное деяние с его одновременной криминализацией по своим правовым последствиям от ужесточения административной ответственности за административное правонарушение принципиально не отличается: и в том и в другом случае для прекращения исполнения судебного постановления нет оснований.

Данный вывод базируется, в частности, на вытекающих из конституционных принципов справедливости и равенства требованиях неотвратимости ответственности за совершенное правонарушение, а также определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в общей системе правового регулирования.

Кроме того, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, исполнение судебного решения является самостоятельной гарантией государственной, в том числе судебной, защиты прав и свобод человека и гражданина; защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт или акт иного уполномоченного органа своевременно не исполняется, что обязывает федерального законодателя создавать стабильную правовую основу для отношений в сфере исполнительного производства и не ставить под сомнение конституционный принцип исполнимости судебного решения (постановления от 30 июля 2001 года N 13-П, от 15 января 2002 года N 1-П, от 14 мая 2003 года N 8-П, от 14 июля 2005 года N 8-П, от 12 июля 2007 года N 10-П, от 26 февраля 2010 года N 4-П, от 14 мая 2012 года N 11-П, от 22 апреля 2013 года N 8-П, от 27 июня 2013 года N 15-П и др.).

В то же время исполнение ранее вынесенного постановления о назначении административного наказания при отмене законом административной ответственности за деяние в связи с криминализацией этого деяния должно прекращаться на основании пункта 2 статьи 31.7 КоАП Российской Федерации, если не будут соблюдены следующие условия: необходимо, чтобы, во-первых, положения закона, отменяющие административную

ответственность за конкретное деяние и вводящие за него уголовную ответственность, вступали в силу одновременно, а во-вторых, чтобы при законодательном преобразовании состава административного правонарушения в состав преступления сохранялась бы ответственность именно за то деяние, за которое ранее предусматривалось административное наказание. Судам, иным правоприменительным органам при разрешении в соответствии с пунктом 2 статьи 31.7 КоАП Российской Федерации вопроса о прекращении исполнения постановления о назначении административного наказания, вынесенного на основании закона, позднее отмененного в связи с криминализацией соответствующего деяния, надлежит проверять наличие указанных условий.

4.3. Таким образом, пункт 2 статьи 31.7 данного Кодекса не соответствует Конституции Российской Федерации, ее [статьям 15 \(части 1 и 2\)](#) и [54](#), в той мере, в какой он предполагает прекращение исполнения постановления о назначении административного наказания за совершение административного правонарушения, если отмена законом административной ответственности за административное правонарушение одновременно сопровождается введением уголовной ответственности за то же деяние.

При этом не исключается правомочие федерального законодателя в случае отмены законом административной ответственности за административное правонарушение при одновременном введении уголовной ответственности за то же деяние включать в соответствующий закон переходные положения, регулирующие вопрос о продолжении исполнения ранее вынесенных постановлений о назначении административного наказания.

Исходя из изложенного и руководствуясь [статьями 47.1, 71, 72, 74, 75, 79, 87 и 100](#) Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать часть 2 статьи 1.7 КоАП Российской Федерации соответствующей Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в ней положения, относящиеся к принципам административно-деликтного регулирования, по существу воспроизводят предписания [статьи 54](#) Конституции Российской Федерации, конкретизируя их применительно к сфере административных правонарушений.

2. Признать пункт 2 статьи 31.7 КоАП Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее [статьям 15 \(части 1 и 2\)](#) и [54](#), в той мере, в какой он предполагает прекращение исполнения постановления о назначении административного наказания за совершение административного правонарушения, если отмена законом

административной ответственности за административное правонарушение одновременно сопровождается введением уголовной ответственности за то же деяние.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Российской газете", "Собрании законодательства Российской Федерации" и на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Конституционный Суд
Российской Федерации

**Постановление Пленума Верховного Суда РФ
от 26 ноября 2019 г. № 49
«О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в
силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза»**

В целях обеспечения единства практики применения судами таможенного законодательства в условиях функционирования Евразийского экономического союза Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года N 3-ФКЗ "О Верховном Суде Российской Федерации", постановляет дать следующие разъяснения:

Общие положения

1. Правовое регулирование таможенных отношений в Российской Федерации осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами, входящими согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации в ее правовую систему, и законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании.

К числу указанных международных договоров, в частности, относятся Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее - Договор и Союз соответственно) и Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее - Таможенный кодекс), а также иные международные договоры, составляющие право Союза.

При этом положения Таможенного кодекса имеют приоритет перед иными регулирующими таможенные отношения международными договорами, входящими в право Союза, за исключением Договора (абзац первый пункта 3 статьи 6 Договора и пункт 4 статьи 1 Таможенного кодекса).

2. Решения постоянно действующего регулирующего органа Союза - Евразийской экономической комиссии (далее - Комиссия), принятые в рамках ее полномочий, признаются актами, регулирующими таможенные правоотношения в Российской Федерации как государстве - участнике Союза, на основании статей 6, 18 и 32 Договора.

В случае возникновения противоречий между положениями Договора, Таможенного кодекса и принятыми в области таможенного регулирования решениями Комиссии применению подлежат нормы Договора и Таможенного кодекса (абзац второй пункта 3 статьи 6 Договора).

При толковании и применении норм права Союза, принятых в сфере таможенного регулирования, судам следует учитывать акты Суда Евразийского экономического союза, вынесенные по результатам рассмотрения споров, связанных с реализацией положений

Договора, иных международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также по иным вопросам, отнесенным к его компетенции согласно главе IV Статута Суда.

3. Федеральный закон от 3 августа 2018 года N 289-ФЗ "О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (далее - Закон о таможенном регулировании), являясь актом законодательства Российской Федерации о таможенном регулировании, распространяет свое действие на правовые отношения, связанные с ввозом товаров в Российскую Федерацию и их вывозом из Российской Федерации как части единой таможенной территории Союза.

На основании статьи 397 Закона о таможенном регулировании временно сохраняют свое действие и, следовательно, подлежат применению судами при разрешении соответствующих споров указанные в данной норме отдельные положения Федерального закона от 27 ноября 2010 года N 311-ФЗ "О таможенном регулировании в Российской Федерации" (далее - Закон N 311-ФЗ), в частности положения раздела II данного закона, регулирующего вопросы уплаты и возврата (зачета) таможенных платежей.

4. В случае возникновения коллизии между регулирующими таможенные отношения нормами права Союза (статья 6 Договора, пункт 2 статьи 1 Таможенного кодекса) и положениями законодательства Российской Федерации в соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации применению подлежит право Союза. В то же время коллизионный приоритет права Союза не может приводить к нарушению прав и свобод граждан (организаций), гарантированных Конституцией Российской Федерации. В частности, при применении актов Союза, которые устанавливают (изменяют, прекращают) права и обязанности участников таможенных отношений, в том числе по уплате таможенных платежей и использованию льгот по уплате таможенных платежей, должны учитываться принципы поддержания доверия к закону и действиям государства, недопустимости придания обратной силы новому таможенному регулированию, ухудшающему положение участников внешнеэкономической деятельности.

В связи с этим, например, при применении решений Комиссии о классификации отдельных видов товаров в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее - ТН ВЭД), с учетом положений статей 34 (часть 1), 35 (часть 1), 54 (часть 1) и 57 Конституции Российской Федерации судам следует исходить из того, что в случае изменения Комиссией ранее сложившейся в Российской Федерации устойчивой практики классификации соответствующих товаров, выраженной в предварительных решениях по классификации товаров, срок действия которых не истек, решениях и разъяснениях по классификации отдельных видов товаров, принятых в соответствии с пунктом 6 статьи 21 Таможенного

кодекса, и (или) в судебной практике, обязанность по дополнительной уплате таможенных пошлин, налогов на основании решения Комиссии не может быть возложена таможенными органами на участников внешнеэкономической деятельности, осуществивших уплату таможенных платежей при выпуске товаров до издания Комиссией таких изменений в соответствии с ранее существовавшей практикой и добросовестно полагавших, что обязанность по уплате таможенных платежей исполнена ими полностью.

Кроме того, с учетом положений части 3 статьи 15 Конституции Российской Федерации принятые в сфере таможенного регулирования акты, входящие в право Союза (включая решения Комиссии), затрагивающие права, свободы и обязанности участников внешнеэкономической деятельности, применяются в Российской Федерации при условии их официального опубликования для всеобщего сведения в соответствии со статьей 111 Договора.

5. Исходя из положений пункта 1 статьи 42 Договора и пункта 2 статьи 53 Таможенного кодекса на таможенной территории Союза применяется Единый таможенный тариф Союза, утверждаемый Комиссией и выступающий инструментом торговой политики Союза. На основании пункта 4 статьи 42 Договора ставки ввозных таможенных пошлин Единого таможенного тарифа Союза являются едиными и не подлежат изменению в зависимости от лиц, перемещающих товары через таможенную границу Союза, видов сделок и иных обстоятельств, за исключением случаев, предусмотренных статьями 35, 36 и 43 Договора.

В связи с этим при возникновении споров, связанных с правильностью применения ставок ввозных таможенных пошлин, в случаях, не указанных в статьях 35, 36 и 43 Договора, при отсутствии иного решения Комиссии применению подлежат ставки, определенные Единым таможенным тарифом Союза.

6. Согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации при разрешении споров, возникающих из таможенных отношений, суды применяют принципы таможенного регулирования (стандарты), нашедшие отражение в Генеральном приложении к Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18 мая 1973 года, действующей в редакции Протокола от 26 июня 1999 года (далее - Киотская конвенция).

Судам, в частности, следует учитывать установленные Киотской конвенцией положения о неприменении существенных штрафов при неумышленном характере ошибок, допущенных в ходе декларирования товара (стандарт 3.39), ограниченности сроков, в течение которых таможенные органы вправе начислять таможенные пошлины и налоги и принимать меры по взысканию задолженности (стандарты 4.2 и 4.10), необходимости

обеспечения возврата таможенных платежей, взысканных вследствие ошибок, допущенных таможенными органами (стандарт 4.22).

Исходя из пункта 2 статьи 12 Киотской конвенции стандарты и рекомендации, сформулированные в специальных приложениях к этому международному договору, не являются обязательными для Российской Федерации. Однако названные стандарты и рекомендации могут учитываться судами в качестве информации об организации соответствующих таможенных процедур и о международной практике таможенного обложения товаров при толковании Таможенного кодекса и иных международных договоров (дополнительное средство толкования).

Таможенная стоимость ввозимых товаров

7. Правила определения таможенной стоимости товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза, установлены главой 5 Таможенного кодекса и правовыми актами Комиссии, принятыми в соответствии с пунктом 17 статьи 38 Таможенного кодекса для обеспечения единообразного применения положений данной главы.

Упомянутые правила применяются с учетом принципов и правил, установленных статьей VII Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года (далее - ГАТТ 1994) и Соглашением по применению статьи VII ГАТТ 1994 (пункт 1 статьи 38 Таможенного кодекса).

Кроме того, при отсутствии в актах таможенного регулирования положений по отдельным вопросам оценки товаров в таможенных целях, их недостаточной полноте или определенности суды могут учитывать консультативные заключения, информацию и рекомендации Всемирной таможенной организации, принимаемые в соответствии с пунктом 2 статьи 18 Соглашения по применению статьи VII ГАТТ 1994.

8. В соответствии с пунктом 10 статьи 38 Таможенного кодекса таможенная стоимость ввозимых товаров и сведения, относящиеся к ее определению, должны основываться на достоверной, количественно определяемой и документально подтвержденной информации.

Принимая во внимание публичный характер таможенных правоотношений, при оценке соблюдения декларантом (здесь и далее также - таможенный представитель) данных требований Таможенного кодекса судам следует исходить из презумпции достоверности информации (документов, сведений), представленной декларантом в ходе таможенного контроля, бремя опровержения которой лежит на таможенном органе (часть 5 статьи 200 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и часть 11 статьи 226 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, далее - АПК РФ и КАС РФ соответственно).

9. При оценке выполнения декларантом требований пункта 10 статьи 38 Таможенного кодекса судам следует принимать во внимание, что таможенная стоимость, определяемая исходя из установленной договором цены товаров, не может считаться количественно определяемой и документально подтвержденной, если декларант не представил доказательства совершения сделки, на основании которой приобретен товар, в любой не противоречащей закону форме, или содержащаяся в представленных им документах ценовая информация не соотносится с количественными характеристиками товара, или отсутствует информация об условиях поставки и оплаты товара.

В то же время выявление отдельных недостатков в оформлении представленных декларантом документов (договоров, спецификаций, счетов на оплату ввозимых товаров и др.) в соответствии с установленными требованиями, не опровергающих факт заключения сделки на определенных условиях, само по себе не может являться основанием для вывода о несоблюдении требований пункта 10 статьи 38 Таможенного кодекса.

10. Система оценки ввозимых товаров для таможенных целей, установленная Таможенным кодексом и основанная на статье VII ГАТТ 1994, исходит из их действительной стоимости - цены, по которой такие или аналогичные товары продаются или предлагаются для продажи при обычном ходе торговли в условиях полной конкуренции, определяемой с использованием соответствующих методов таможенной оценки. При этом согласно пункту 15 статьи 38 Таможенного кодекса за основу определения таможенной стоимости в максимально возможной степени должна приниматься стоимость сделки с ввозимыми товарами (первый метод определения таможенной стоимости).

С учетом данных положений примененная сторонами внешнеторговой сделки цена ввозимых товаров не может быть отклонена по мотиву одного лишь несогласия таможенного органа с ее более низким уровнем в сравнении с ценами на однородные (идентичные) ввозимые товары или ее отличия от уровня цен, установившегося во внутренней торговле.

В то же время отличие заявленной декларантом стоимости сделки с ввозимыми товарами от ценовой информации, содержащейся в базах данных таможенных органов, по сделкам с идентичными или однородными товарами, ввезенными при сопоставимых условиях, а в случае отсутствия таких сделок - данных иных официальных и (или) общедоступных источников информации, включая сведения изготовителей и официальных распространителей товаров, а также товарно-ценовых каталогов, может рассматриваться в качестве одного из признаков недостоверного (не соответствующего действительной стоимости) определения таможенной стоимости, если такое отклонение является существенным.

11. Отсутствие подтверждения сведений о таможенной стоимости, заявленных в таможенной декларации и (или) содержащихся в иных представленных таможенному органу документах, а также выявление таможенным органом признаков недостоверного определения таможенной стоимости само по себе не может выступать основанием для вывода о неправильном определении таможенной стоимости декларантом, а является основанием для проведения таможенного контроля таможенной стоимости товаров в соответствии со статьей 313, пунктом 4 статьи 325 Таможенного кодекса.

При проведении такой проверки таможенный орган, осуществляя публичные полномочия, обязан предоставить декларанту реальную возможность устранения возникших сомнений в достоверности заявленной им таможенной стоимости, в связи с чем не может произвольно отказаться от использования закрепленного в пункте 15 статьи 325 Таможенного кодекса права на запрос у декларанта документов и (или) сведений, в том числе письменных пояснений, необходимых для установления достоверности и полноты проверяемых сведений, заявленных в таможенной декларации, и (или) сведений, содержащихся в иных документах.

В целях надлежащей реализации права декларанта на предоставление документов, сведений и пояснений таможенный орган в соответствии с пунктом 15 статьи 325 Таможенного кодекса извещает его об основаниях, по которым предоставленные документы и сведения о товаре не устраняют имеющиеся сомнения в достоверности заявленной таможенной стоимости, в том числе с учетом иных собранных таможенным органом документов и полученных сведений (например, сведений, полученных от лиц, имеющих отношение к производству, перемещению и реализации ввозимых (идентичных, однородных) товаров, контрагентов декларанта, иных государственных органов, таможенных органов иностранных государств, транспортных и страховых компаний и т.п).

В порядке реализации положений пункта 2 статьи 313, пункта 15 статьи 325 Таможенного кодекса декларант вправе предоставить пояснения об экономических и иных разумных причинах значительного отличия стоимости сделки с ввозимыми товарами от ценовой информации, имеющейся у таможенного органа, которые должны быть приняты во внимание при вынесении окончательного решения.

12. Исходя из пункта 13 статьи 38 Таможенного кодекса таможенные органы вправе убеждаться в достоверности декларирования таможенной стоимости ввозимых товаров в соответствии с их действительной стоимостью. В то же время с учетом положений пункта 1 статьи 38 Таможенного кодекса предъявляемые к декларанту требования по подтверждению таможенной стоимости должны быть совместимы с коммерческой практикой.

В связи с этим судам следует исходить из того, что лицо, ввозящее на таможенную территорию товар по цене, значительно отличающейся от сопоставимых цен идентичных (однородных) товаров, должно обладать документами, подтверждающими действительное приобретение товара по такой цене и доступными для получения в условиях внешнеторгового оборота.

13. Основываясь на положениях пункта 13 статьи 38, пункта 17 статьи 325 Таможенного кодекса, таможенный орган принимает решение о внесении изменений (дополнений) в сведения о таможенной стоимости, заявленные в таможенной декларации по результатам проверки таможенных, иных документов и (или) сведений, начатой до выпуска товаров, если соответствие заявленной таможенной стоимости товаров их действительной стоимости не нашло своего подтверждения по результатам таможенного контроля, в том числе при сохранении признаков недостоверности заявленной таможенной стоимости, не устраненных по результатам таможенного контроля.

В связи с этим при разрешении споров, касающихся правильности определения таможенной стоимости ввозимых товаров, судам следует учитывать, какие признаки недостоверного определения таможенной стоимости были установлены таможенным органом и нашли свое подтверждение в ходе проведения таможенного контроля, в том числе с учетом документов (сведений), собранных таможенным органом и дополнительно предоставленных декларантом.

Непредоставление декларантом документов (сведений), обосновывающих заявленную им таможенную стоимость товара, само по себе не может повлечь принятие таможенным органом решения о внесении изменений (дополнений) в сведения о таможенной стоимости, заявленные в таможенной декларации, если у декларанта имелись объективные препятствия к предоставлению запрошенных документов (сведений) и соответствующие объяснения даны таможенному органу.

Вместе с тем при сохранении неполноты документального подтверждения таможенной стоимости и (или) сомнений в достоверности заявленной декларантом таможенной стоимости, не устраненных по результатам таможенного контроля, по смыслу пункта 17 статьи 325 Таможенного кодекса решение о внесении изменений (дополнений) в сведения о таможенной стоимости, заявленные в таможенной декларации, может быть принято таможенным органом с учетом информации, имеющейся в его распоряжении и указывающей на подтверждение того, что таможенная стоимость ввозимых товаров не соответствует их действительной стоимости.

14. Рассматривая споры, связанные с результатами таможенного контроля таможенной стоимости, начатого до выпуска товаров, включая споры о возврате

таможенных платежей в связи с несогласием плательщика с результатами таможенного контроля, судам следует учитывать, что исходя из взаимосвязанных положений статей 313, 325 Таможенного кодекса вывод о неподтвержденности заявленной таможенной стоимости формулируется таможенным органом в соответствии с тем объемом документов, сведений и пояснений, которые были им собраны и даны (раскрыты) декларантом на данной стадии таможенного контроля.

С учетом того, что судебное разбирательство не должно подменять осуществление таможенного контроля в соответствующей административной процедуре, новые доказательства признаются относимыми к делу и могут быть приняты (истребованы) судом, если ходатайствующее об этом лицо обосновало наличие объективных препятствий для получения этих доказательств до вынесения оспариваемого решения таможенного органа.

В частности, новые доказательства могут быть приняты судом, если со стороны таможенного органа декларанту не была обеспечена возможность устранения сомнений в достоверности заявленной таможенной стоимости (пункт 15 статьи 325 Таможенного кодекса). Предоставляемые таможенным органом новые доказательства принимаются судом, если обоснованы объективные причины, препятствовавшие их своевременному получению до вынесения решения о внесении изменений (дополнений) в сведения о таможенной стоимости, заявленные в таможенной декларации.

В этих случаях суд по ходатайству лица, участвующего в деле, вправе в целях предоставления другой стороне возможности ознакомления с новыми доказательствами и представления опровергающих их доказательств объявить перерыв в судебном заседании или отложить судебное разбирательство.

15. Согласно изложенному в пункте 15 статьи 38 Таможенного кодекса правилу последовательного применения методов определения таможенной стоимости при невозможности использования первого метода каждый последующий метод применяется, если таможенная стоимость не может быть определена путем использования предыдущего метода.

При рассмотрении споров, связанных с правильностью выбора и применения метода определения таможенной стоимости, судам следует учитывать, что декларанту должны быть предоставлены установленные законодательством (статья 325 Таможенного кодекса) возможности представить дополнительные документы, сведения и пояснения, касающиеся заявленных сведений о таможенной стоимости товаров.

Если декларант не воспользовался таким правом, таможенный орган вправе определить таможенную стоимость тем методом, для применения которого у таможенного органа имеются необходимые документы и сведения.

Декларант, полагаящий, что таможенная стоимость ввозимых товаров определена таможенным органом с нарушением установленной последовательности применения методов таможенной оценки, вправе представить доказательства, подтверждающие величину таможенной стоимости, определенную с применением надлежащего метода.

16. Рассматривая споры, связанные с обоснованностью применения первого метода таможенной оценки, судам необходимо принимать во внимание, что данный метод основывается на учете цены, фактически уплаченной или подлежащей уплате за ввозимые товары, определяемой в соответствии с пунктом 3 статьи 39 Таможенного кодекса и увеличенной на ряд дополнительных начислений, перечень которых приведен в статье 40 Таможенного кодекса.

Иные расходы покупателя, не отвечающие требованиям пункта 3 статьи 39 Таможенного кодекса и не указанные в статье 40 Таможенного кодекса, в том числе связанные с оплатой отдельных услуг продавца, не включаются в таможенную стоимость ввозимых товаров. Например, в таможенной стоимости, определяемой первым методом, не учитываются проценты за предоставленную отсрочку или рассрочку в оплате товара (при выполнении условий, установленных Правилами учета процентных платежей при определении таможенной стоимости товаров, утвержденными решением Комиссии от 22 сентября 2015 года N 118).

Применительно к положениям пункта 3 статьи 39, статьи 40 Таможенного кодекса в случае ввоза товара на основании договора выкупного лизинга его таможенной стоимостью, определяемой резервным методом на основе первого метода (пункт 2 статьи 45 Таможенного кодекса), по умолчанию не может признаваться общая сумма лизинговых платежей, включающая в себя возмещение затрат лизинговой компании, не формирующих цену, фактически уплаченную или подлежащую уплате за ввозимые товары - предметы лизинга.

17. Платежи за использование объектов интеллектуальной собственности (далее - роялти), не включенные в цену, фактически уплаченную или подлежащую уплате за ввозимые товары, учитываются в качестве одного из дополнительных начислений к цене в соответствии со статьей 40 Таможенного кодекса при выполнении в совокупности двух требований: эти платежи относятся к ввозимым товарам и уплата роялти является условием продажи оцениваемых товаров (прямо или косвенно) для их вывоза на таможенную территорию Союза.

При выполнении данных требований само по себе заключение договора с иным, чем продавец товара, правообладателем не препятствует включению уплачиваемых на основании такого договора роялти в соответствующем размере в таможенную стоимость оцениваемых товаров.

18. В соответствии с пунктом 3 статьи 40 Таможенного кодекса последующие методы таможенной оценки используются, в частности, при отсутствии достоверной, количественно определяемой и документально подтвержденной информации, необходимой для осуществления дополнительных начислений к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за ввозимые товары, предусмотренных данной статьей.

Следовательно, незаявление (неполнота заявления) декларантом одного или нескольких дополнительных начислений не является основанием для отказа в применении первого метода определения таможенной стоимости, если при проведении таможенного контроля декларантом представлены и (или) имеются в распоряжении таможенного органа отвечающие требованиям пункта 10 статьи 38 Таможенного кодекса документы (сведения), позволяющие правильно учесть такие дополнительные начисления.

19. По смыслу подпункта 2 пункта 1 статьи 39 Таможенного кодекса примененная сторонами сделки цена товаров признается неприемлемой для целей таможенной оценки, несмотря на достоверность представленных декларантом сведений, если установлены условия или обязательства, влияние которых на продажу или цену ввозимых на таможенную территорию товаров невозможно измерить в стоимостном (денежном) выражении. В этом случае определение таможенной стоимости ввозимых товаров по стоимости сделки с ними не производится.

Судам следует учитывать, что основанный на данной норме Таможенного кодекса отказ таможенного органа от применения первого метода определения таможенной стоимости должен быть обоснован наличием конкретных условий или обязательств (в том числе информация о которых не представлена декларантом таможенному органу), способных оказывать такое влияние, которые должны быть сформулированы таможенным органом. К числу рассматриваемых условий и обязательств, например, могут быть отнесены принятие покупателем на себя обязательства по дополнительному приобретению иных товаров, установление цены ввозимых товаров в зависимости от цены товаров или услуг, реализуемых во встречном порядке.

20. В соответствии с положениями подпункта 4 пункта 1 и пункта 4 статьи 39 Таможенного кодекса стоимость сделки с ввозимыми товарами (первый метод) не применяется для целей таможенной оценки ввозимых товаров, если стороны сделки являются взаимосвязанными лицами и имеющаяся между ними взаимосвязь повлияла на цену, фактически уплаченную или подлежащую уплате за эти товары.

В тех случаях, когда указание о совершении сделки с ввозимыми товарами между взаимосвязанными лицами сделано при декларировании товаров либо взаимосвязь участников сделки установлена при проведении таможенного контроля и таможенным

органом выявлены признаки недостоверного декларирования таможенной стоимости, декларант обязан подтвердить, что фактически уплаченная или подлежащая уплате за товар цена была установлена в отсутствие влияния на нее взаимосвязи сторон сделки, в том числе посредством раскрытия информации о ценообразовании (пункт 5 статьи 39 Таможенного кодекса).

Условия, при наличии которых соответствующие лица признаются взаимосвязанными для целей таможенной оценки товаров, вывозимых на таможенную территорию Союза, установлены статьей 37 Таможенного кодекса.

Классификация товаров для таможенных целей

21. Положениями статьи 20 Таможенного кодекса предусмотрена классификация товаров по ТН ВЭД при их таможенном декларировании и установлены полномочия таможенных органов по вынесению решений о классификации товаров.

Суд проверяет обоснованность классификационного решения, вынесенного таможенным органом, исходя из оценки представленных таможенным органом и декларантом доказательств, подтверждающих сведения о признаках (свойствах, характеристиках) декларируемого товара, имеющих значение для его правильной классификации согласно ТН ВЭД, руководствуясь Основными правилами интерпретации ТН ВЭД, а также принятыми в соответствии с ними на основании пункта 6 статьи 21, пунктов 1 и 2 статьи 22 Таможенного кодекса решениями Федеральной таможенной службы и Комиссии по классификации отдельных видов товаров, если такие решения относятся к спорному товару. Для целей интерпретации положений ТН ВЭД судами также учитываются Пояснения к ТН ВЭД, рекомендованные Комиссией в качестве вспомогательных рабочих материалов.

Основанием для вывода о неправомерности оспариваемого в суде решения о классификации товара по ТН ВЭД является неправильная классификация товара таможенным органом. В судебном акте, при наличии к тому достаточных доказательств, также может содержаться вывод о верности классификации, произведенной декларантом, и об отсутствии в связи с этим у таможенного органа основания для принятия решения об иной классификации товара, предусмотренного подпунктом 1 пункта 2 статьи 20 Таможенного кодекса.

22. Международной основой ТН ВЭД выступает Гармонизированная система описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации, функционирующая на основании Международной конвенции по Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года (далее - Гармонизированная система и Конвенция), участником которой является Российская Федерация.

Участники внешнеэкономической деятельности вправе ожидать, что осуществляемая в соответствии с Гармонизированной системой классификация товаров, имеющая значение в том числе для определения размера таможенных платежей, будет носить объективный, предсказуемый и прозрачный характер. В связи с этим при разрешении споров, вызванных неоднозначностью возможных вариантов классификации товаров, суды могут принимать во внимание рекомендации и разъяснения по классификации, данные Всемирной таможенной организацией в соответствии со статьей 7 Конвенции, относимые к спорным товарам и в отношении которых Российская Федерация не заявила об отказе в их применении.

В обоснование правильности избранного варианта классификации товаров участники внешнеэкономической деятельности и таможенные органы также вправе ссылаться на международную практику классификации ввезенных товаров в странах, использующих Гармонизированную систему, в подтверждение которой представлять суду классификационные решения, принятые таможенными органами других стран и международными организациями, содержащие аргументацию классификации и иные подобные доказательства. При этом указанные доказательства не имеют для суда заранее установленной силы и подлежат оценке в совокупности с иными доказательствами, обосновывающими правильность классификации товара в соответствии с ТН ВЭД.

Иные вопросы таможенного контроля и взыскания таможенных платежей

23. Исходя из пункта 7 статьи 310 Таможенного кодекса принятие таможенной стоимости, иных сведений, имеющих значение для исчисления таможенных платежей и заявленных декларантом при ввозе товара, либо их изменение по результатам таможенного контроля, начатого до выпуска товаров, не исключает права таможенных органов на проведение таможенного контроля после выпуска товаров.

Однако проведение мероприятий таможенного контроля после выпуска товаров не должно быть направлено на преодоление законной силы судебных актов, которыми ранее разрешен спор о правильности исчисления таможенных платежей в связи с имевшимися между декларантом и таможенным органом разногласиями, в том числе по определению таможенной стоимости, классификации, происхождению товаров и т.п. В частности, таможенный орган не вправе выносить решение о внесении изменений (дополнений) в сведения о таможенной стоимости, заявленные в таможенной декларации, основанное на тех же обстоятельствах ее недостоверного заявления, которые являлись предметом оценки суда и послужили основанием для признания недействительным ранее принятого решения (например, если вновь принятое таможенным органом решение воспроизводит, по существу, то же обоснование изменения таможенной стоимости, которое было изложено в ранее принятом решении и признано судом ошибочным).

В то же время не исключается возможность определения таможенной стоимости ввезенных товаров в ином (большем) размере, если о недостоверности ранее заявленной (измененной) таможенной стоимости, кода товара по ТН ВЭД, сведений о происхождении товара свидетельствуют новые доказательства, полученные таможенным органом в ходе таможенного контроля, начатого после выпуска товаров.

24. После выпуска товаров внесенные в декларацию на товары сведения могут быть изменены (дополнены) по результатам проведенного таможенного контроля в связи с обращением декларанта, если им выявлена недостоверность сведений, в том числе влекущих изменение размера исчисленных и (или) подлежащих уплате таможенных платежей (пункт 3 статьи 112 Таможенного кодекса и подпункт "б" пункта 11 Порядка внесения изменений и (или) дополнений в сведения, указанные в декларации на товары, утвержденного решением Евразийской экономической комиссии от 10 декабря 2013 года N 289, далее - Порядок внесения изменений и (или) дополнений в сведения, указанные в декларации на товары).

С учетом этих положений принятие таможенным органом в рамках таможенного контроля, начатого до выпуска товаров, решения о внесении изменений (дополнений) в сведения о таможенной стоимости, коде ТН ВЭД, происхождении товара, заявленные в таможенной декларации, в котором сделан вывод о неправильности определения соответствующих сведений декларантом, не является препятствием для последующего изменения по инициативе декларанта сведений, от которых зависит определение размера подлежащих уплате таможенных платежей.

25. Статья 263 Закона о таможенном регулировании наделяет вышестоящие таможенные органы компетенцией по проведению ведомственного контроля за законностью решений, действий (бездействия) нижестоящих таможенных органов, но не устанавливает предельный срок его осуществления.

Отсутствие данного срока не исключает необходимости учета предусмотренного пунктом 7 статьи 310 Таможенного кодекса срока таможенного контроля, проводимого после выпуска товаров, если в результате ведомственного контроля производится отмена (частичная отмена) решения нижестоящего таможенного органа и требуется принятие нового решения, затрагивающего права и обязанности декларанта. В связи с этим судам следует исходить из того, что новое решение в сфере таможенного дела может быть принято в отношении декларанта взамен отмененного решения лишь в порядке проведения таможенного контроля и в соответствующие сроки (часть 2 статьи 263 Закона о таможенном регулировании).

26. В силу пункта 2 статьи 56 Таможенного кодекса солидарная обязанность по уплате таможенных платежей возлагается на лиц, участвующих в незаконном перемещении товаров,

при условии, что они знали или должны были знать о незаконности такого перемещения, а при ввозе товаров на таможенную территорию Союза - также на лиц, которые приобрели в собственность или во владение незаконно ввезенные товары, если в момент приобретения они знали или должны были знать о незаконности ввоза товаров на таможенную территорию Союза.

Само по себе заключение физическим или юридическим лицом сделки с участником внешнеторгового оборота, допустившим незаконное перемещение товара (незаконный ввоз товара на территорию Союза), не является основанием для возложения на такое лицо солидарной обязанности по уплате таможенных платежей.

Судам необходимо давать оценку достаточности доказательств, представленных таможенным органом в подтверждение того, что участие лица, на которое возлагается солидарная обязанность по уплате таможенных платежей, в незаконном перемещении (ввозе) товаров носило умышленный характер, либо доказательства того, что привлекаемое лицо знало или должно было знать о незаконном перемещении (ввозе) товаров, проявив ту степень осмотрительности, какая от него требовалась по характеру исполняемого обязательства и условиям оборота, а также доказательств, представленных таким лицом в опровержение доводов таможенного органа.

27. На основании взаимосвязанных положений пункта 10 статьи 88, пункта 1 статьи 379, пункта 1 статьи 382 и статьи 383 Таможенного кодекса товары, в отношении которых в установленные сроки не совершены необходимые таможенные операции, задерживаются таможенными органами и, по общему правилу, подлежат реализации с выплатой декларанту (собственнику) денежных средств, вырученных от реализации, за вычетом удержанных сумм, в том числе ввозных таможенных пошлин, налогов.

Если после ввоза товара на таможенную территорию в отношении лица, которым не исполнена обязанность по уплате таможенных платежей, возбуждено дело о банкротстве и введена одна из процедур банкротства, применение к данным товарам мер задержания и обращения взыскания на такие товары, предусмотренных таможенным законодательством, не исключается.

Возврат товаров без применения мер принудительной реализации производится по требованию декларанта (собственника) товаров при условии помещения товаров под таможенную процедуру, в том числе исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов (пункт 1 статьи 83 и пункт 4 статьи 381 Таможенного кодекса, часть 17 статьи 320 Закона о таможенном регулировании).

28. Оспаривание уведомлений о не уплаченных в установленный срок суммах таможенных платежей, решений (действий), принятых (совершенных) таможенными

органами при взыскании таможенных пошлин и налогов в соответствии с положениями главы 12 Закона о таможенном регулировании, возможно в том числе по мотиву неправомерности начисления таможенных платежей. В этом случае суд дает оценку законности решения таможенного органа, во исполнение которого направлено соответствующее уведомление, приняты решения о взыскании задолженности и совершены действия по их исполнению.

Кроме того, в случае обращения таможенного органа в суд с требованием о взыскании таможенных платежей следует исходить из того, что непринятие декларантом мер к оспариванию решений таможенного органа, влияющих на исчисление таможенных платежей, уведомлений о не уплаченных в установленный срок суммах таможенных платежей не должно рассматриваться как согласие с предъявленным требованием, и обоснованность требования о взыскании таможенных платежей проверяется судом по существу.

29. При определении наличия оснований для применения таможенными органами статьи 72 Закона о таможенном регулировании и начисления пеней по определенным данной нормой правилам судам необходимо учитывать, что нахождение в федеральном бюджете авансовых платежей, излишне уплаченных или взысканных таможенных платежей, превышающих по своему размеру величину произведенных декларанту доначислений, может свидетельствовать об отсутствии потерь бюджета, требующих компенсации посредством взимания пеней, если иное не следует из представленных таможенным органом доказательств, в том числе сведений таможенного органа об использовании (возврате) авансовых и таможенных платежей за соответствующие периоды начисления пеней, информации об иных причитавшихся к уплате таможенных платежах, относящихся к этому же периоду.

С учетом положений пункта 5 части 1 статьи 254 Закона о таможенном регулировании начисление пеней может быть признано необоснованным, если суд установит, что декларант добросовестно следовал письменным разъяснениям уполномоченного федерального органа исполнительной власти о применении таможенного законодательства, данным ему либо неопределенному кругу лиц, письменным консультациям, полученным декларантом от наделенных соответствующей компетенцией должностных лиц таможенных органов (статья 264 Закона о таможенном регулировании).

Поскольку взимание пеней не является мерой ответственности, суд не может уменьшить размер начисленных пеней в сравнении с размером, определенным согласно части 8 статьи 72 Закона о таможенном регулировании.

30. На основании статей 75 и 80 Закона о таможенном регулировании таможенные органы наделены правом беспорного (внесудебного) взыскания таможенных платежей, процентов и пеней за счет средств юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на счетах в банке (электронных денежных средств) и иного имущества.

Если в течение пятнадцати рабочих дней по истечении срока, указанного в уведомлении, направленном плательщику в соответствии со статьей 73 Закона о таможенном регулировании, таможенным органом не принято и не направлено на исполнение решение о взыскании денежных средств со счетов в беспорном порядке, требование о взыскании соответствующих сумм может быть предъявлено в суд в течение шести месяцев со дня истечения срока, указанного в уведомлении (части 2 и 3 статьи 75 Закона о таможенном регулировании).

При отсутствии на счетах плательщика денежных средств в достаточном размере для погашения задолженности либо отсутствии у таможенного органа информации о счетах плательщика и непринятии таможенным органом решения о взыскании платежей за счет иного имущества в течение одного года со дня истечения срока, указанного в уведомлении, требование о взыскании соответствующих сумм может быть предъявлено в суд в течение шести месяцев после истечения указанного годового срока (части 10 и 15 статьи 80 Закона о таможенном регулировании).

Судам необходимо иметь в виду, что нарушение установленного частью 15 статьи 73 Закона о таможенном регулировании десятидневного срока направления уведомления о не уплаченных в установленный срок суммах платежей не влечет изменения (продления) указанных сроков взыскания таможенных платежей в судебном порядке. При проверке соблюдения таможенным органом сроков обращения в суд указанные сроки учитываются в той продолжительности, которая установлена нормами Закона о таможенном регулировании.

Пропуск установленных законом сроков обращения в суд влечет утрату таможенным органом права требовать взыскания задолженности.

Вместе с тем на основании части 16 статьи 80 Закона о таможенном регулировании пропущенный таможенным органом по уважительной причине срок подачи заявления о взыскании задолженности может быть восстановлен судом. Такое восстановление производится судом на основании ходатайства таможенного органа, содержащего обоснование причин, повлекших пропуск сроков обращения в суд.

Не могут рассматриваться в качестве уважительных причин пропуска названных сроков необходимость согласования с вышестоящим органом (иным лицом) вопроса о подаче таможенным органом в суд соответствующего заявления, нахождение представителя таможенного органа в командировке (отпуске), кадровые перестановки, смена руководителя

таможенного органа (его нахождение в длительной командировке, отпуске), а также иные внутренние организационные причины, повлекшие несвоевременную подачу заявления.

31. Право на обжалование решений, действий (бездействия) таможенных органов предоставлено в равной мере лицам, как избравшим административный способ обжалования в вышестоящий таможенный орган, так и обратившимся непосредственно в суд (часть 1 статьи 286 Закона о таможенном регулировании). Поскольку лицо, избравшее административный способ обжалования, не может быть ограничено в праве на судебную защиту, период административного обжалования решений, действий (бездействия) таможенного органа, в том числе если жалоба не была рассмотрена по существу, не включается в срок обращения в суд.

Возврат таможенных платежей

32. В соответствии с пунктом 2 статьи 67 Таможенного кодекса возврат излишне уплаченных (взысканных) таможенных пошлин, налогов осуществляется таможенным органом в административном порядке при условии внесения изменений (дополнений) в сведения об исчисленных таможенных пошлинах, налогах, заявленные в декларации на товары, либо корректировки в сведения об исчисленных таможенных платежах в иных таможенных документах, указанных в данной норме. При этом срок рассмотрения таможенным органом обращения декларанта об изменении (дополнении) сведений, заявленных в декларации на товары, касающихся размеров подлежащих уплате таможенных платежей, не может превышать 30 календарных дней со дня подачи декларантом обращения и приложенных к нему документов в таможенный орган с учетом предусмотренных законодательством оснований приостановления течения этого срока (пункт 16 Порядка внесения изменений и (или) дополнений в сведения, указанные в декларации на товары).

В связи с изложенным при разрешении споров, связанных с возвратом таможенных платежей, уплаченных (взысканных) в бюджет, суд дает оценку достаточности доказательств, представленных декларантом таможенному органу в подтверждение факта переплаты, наличия оснований для проведения таможенного контроля в отношении сведений, заявленных в корректировке декларации на товары, и представленных таможенным органом доказательств, подтверждающих законность отказа во внесении изменений в декларацию на товары или бездействия по внесению этих изменений, в том числе после истечения установленного срока рассмотрения обращения декларанта.

33. В случае признания судом незаконным решения таможенного органа, принятого по результатам таможенного контроля и влияющего на исчисление таможенных платежей, либо отказа (бездействия) таможенного органа во внесении изменений в декларацию на товар и (или) в возврате таможенных платежей в целях полного восстановления прав

плательщика на таможенный орган в судебном акте возлагается обязанность по возврату из бюджета излишне уплаченных и взысканных платежей (пункт 3 части 4 и пункт 3 части 5 статьи 201 АПК РФ, пункт 1 части 3 статьи 227 КАС РФ).

Если при рассмотрении дела установлена сумма таможенных платежей, излишне уплаченных (взысканных) в связи с принятием таможенным органом оспоренного решения, совершенными им действиями (бездействием), обязанность по возврату из бюджета соответствующих сумм платежей может быть возложена судом на таможенный орган в конкретном размере, который в таком случае указывается в резолютивной части судебного акта.

Возврат сумм излишне уплаченных (взысканных) платежей во исполнение решения суда производится таможенным органом в порядке, установленном таможенным законодательством.

34. С учетом установленных Конституцией Российской Федерации (часть 1 статьи 35 и часть 1 статьи 46) гарантий защиты права частной собственности при излишнем внесении таможенных платежей в связи с принятием таможенным органом незаконных решений по результатам таможенного контроля, а также при истечении срока возврата таможенных платежей в административном порядке заинтересованное лицо вправе обратиться непосредственно в суд с имущественным требованием о возложении на таможенный орган обязанности по возврату излишне внесенных в бюджет платежей в течение трех лет со дня, когда плательщик узнал или должен был узнать о нарушении своего права (об излишнем внесении таможенных платежей в бюджет).

При этом обращение в суд с имущественным требованием о возврате таможенных платежей, поступивших в бюджет излишне, не предполагает необходимости соблюдения административной процедуры возврата. Заявленное требование должно быть рассмотрено судом по существу независимо от того, оспаривалось ли в отдельном судебном порядке решение таможенного органа, послужившее основанием для излишнего внесения таможенных платежей в бюджет.

35. В целях компенсации потерь, причиненных незаконным изъятием денежных средств у участников внешнеэкономической деятельности, законодательством предусмотрена выплата процентов в отношении излишне взысканных сумм таможенных пошлин, налогов (часть 11 статьи 67 Закона о таможенном регулировании, а до начала ее применения - часть 6 статьи 147 Закона N 311-ФЗ).

Принимая во внимание компенсационную природу процентов, а также принцип равенства всех перед законом, судам следует учитывать, что установленные данной нормой проценты начисляются со дня, следующего за днем внесения таможенных платежей в

бюджет (статья 30 Закона о таможенном регулировании, а до начала ее применения - статья 117 Закона N 311-ФЗ), до даты фактического возврата, в том числе если имело место самостоятельное перечисление обязанным лицом денежных средств в уплату доначисленных по результатам таможенного контроля таможенных платежей (под угрозой применения мер взыскания). В ином случае добросовестные плательщики ставятся в худшее положение в сравнении с лицами, которые уклонялись от исполнения решения таможенного органа.

36. Плательщик имеет право на возврат денежных средств, ранее внесенных в счет уплаты предстоящих таможенных пошлин, налогов, таможенных сборов (авансовые платежи), которое, по общему правилу, может быть реализовано в течение трех лет со дня последнего распоряжения об использовании авансовых платежей (статья 36 Закона о таможенном регулировании, а до начала ее применения - статья 122 Закона N 311-ФЗ).

Если расходование авансовых платежей производилось как в добровольном, так и в принудительном порядке (взамен распоряжения плательщика), срок возврата неиспользованного остатка авансовых платежей исчисляется с даты совершения последнего из указанных действий.

Особенности рассмотрения дел с участием граждан

37. При установлении правового статуса физических лиц для целей таможенного регулирования судам следует учитывать содержание подпунктов 11 и 17 пункта 1 статьи 2 Таможенного кодекса, предусматривающих, что постоянное место жительства физического лица в государстве - члене Союза является обстоятельством, разграничивающим принадлежность физического лица к лицам государства - члена Союза либо его отнесение к категории иностранных лиц. Для указанных целей гражданство физического лица, включая индивидуальных предпринимателей, не имеет определяющего значения.

38. Согласно статьям 260, 262 Таможенного кодекса товары для личного пользования при перемещении через таможенную границу подлежат таможенному декларированию и выпуску для личного пользования без помещения под таможенные процедуры, если иное не установлено таможенным законодательством (например, в соответствии со статьей 263 Таможенного кодекса перемещаемые через таможенную границу Союза в сопровождаемом багаже товары, указанные в подпунктах 1-5 пункта 1 названной статьи, могут помещаться под таможенную процедуру таможенного транзита для перевозки по таможенной территории Союза).

Товарами для личного пользования признаются товары, предназначенные для личных, семейных, домашних и иных, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, нужд физических лиц, перемещаемые через таможенную границу Союза в сопровождаемом или несопровождаемом багаже, путем пересылки в международных

почтовых отправлениях либо иным способом (подпункт 46 пункта 1 статьи 2 Таможенного кодекса).

Критерии отнесения товаров, перемещаемых через таможенную границу Союза, к товарам для личного пользования установлены пунктом 4 статьи 256 Таможенного кодекса, согласно которому таковыми признаются сведения, указанные в заявлении физического лица о перемещаемых товарах, характер товаров, определяемый их потребительскими свойствами и традиционной практикой применения и использования в быту, количество товаров, которое оценивается с учетом их однородности (например, одного наименования, размера, фасона, цвета) и обычной потребности в соответствующих товарах физического лица и членов его семьи, частота пересечения физическим лицом и (или) перемещения им либо в его адрес товаров через таможенную границу (то есть количества однородных товаров и числа их перемещений за определенный период), за исключением товаров, обозначенных в пункте 6 названной статьи.

При этом необходимо иметь в виду, что количественные характеристики товаров и частота пересечения физическим лицом таможенной границы Союза и (или) перемещения товаров через таможенную границу Союза этим физическим лицом или в его адрес, дополнительные критерии отнесения товаров, перемещаемых через таможенную границу Союза, к товарам для личного пользования определяются Комиссией, к полномочиям которой также отнесено формирование на основании актов, входящих в право Союза, устанавливающих запреты и ограничения, сводного перечня товаров для личного пользования, в отношении которых при перемещении через таможенную границу Союза подлежат соблюдению запреты и ограничения, размещаемого на официальном сайте Союза в сети Интернет (пункты 5 и 9 статьи 256 Таможенного кодекса).

Установление факта последующей продажи товаров лицом, переместившим его через таможенную границу, само по себе не свидетельствует об использовании такого товара не в личных целях. Вместе с тем систематическая (более двух раз) продажа лицом товара, ввезенного для личного пользования, может являться основанием для отказа в освобождении от уплаты таможенных пошлин, налогов либо для отказа в применении порядка уплаты таможенных пошлин, налогов по правилам, установленным в отношении товаров для личного пользования.

39. При разрешении споров, связанных с уплатой таможенных пошлин, налогов в отношении временно ввезенных на таможенную территорию Союза транспортных средств для личного пользования в связи с невывозом с таможенной территории Союза в день истечения срока, в период которого такие транспортные средства могут временно находиться на таможенной территории Союза в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 264

Таможенного кодекса, судам следует учитывать положения подпункта 7 пункта 2 статьи 268 Таможенного кодекса, предусматривающие возможность прекращения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, если до наступления срока уплаты названных платежей имели место такие факты, как уничтожение и (или) безвозвратная утрата транспортного средства вследствие аварии или действия непреодолимой силы.

Оценивая обоснованность отказа таможенного органа в признании таких фактов, судам необходимо исходить из того, что о прекращении существования транспортного средства (его конструктивной гибели) могут свидетельствовать невозможность проведения восстановительного ремонта поврежденного имущества, либо превышение стоимости ремонта по отношению к стоимости данного транспортного средства на момент аварии, либо равенство этих стоимостей.

Обстоятельством, исключающим обязанность по уплате таможенных платежей в соответствии с названной нормой, также может признаваться неправомерное завладение (хищение, угон) транспортным средством, в результате которого объективно невозможен его обязательный вывоз ввиду фактического отсутствия транспортного средства на день истечения срока правомерного нахождения транспортного средства на таможенной территории Союза.

Возложение обязанности по уплате таможенной пошлины за отсутствующее транспортное средство, выбывшее из владения декларанта помимо его воли, ставит его в неравное положение с другими участниками таможенных правоотношений, освобожденными от уплаты таможенной пошлины в связи с временным ввозом транспортного средства, фактически является возложением финансовых обременений на декларанта при необеспечении государством защиты от посягательства на имущество добросовестного участника отношений, регулируемых таможенным законодательством, и тем самым - увеличением имущественного вреда, причиненного потерпевшему от преступления.

При этом судам необходимо выяснять условия выбытия транспортного средства из владения субъекта таможенных правоотношений, проверять, действительно ли нарушение требования о вывозе в установленный срок транспортного средства вызвано объективными обстоятельствами, находящимися вне его контроля, проявил ли он должную степень заботливости и осмотрительности, какая требовалась в целях сохранности имущества, обращался ли в компетентные органы по факту хищения (угона) транспортного средства, а также учитывать сведения, характеризующие потерпевшего, в том числе наличие ранее фактов угона (хищений) ввозимых им транспортных средств.

40. При разрешении споров, связанных с перемещением физическими лицами через таможенную границу Союза товаров для личного пользования, не применяются общие положения о таможенной стоимости ввозимых товаров, установленные главой 5 Таможенного кодекса, стоимость товаров для личного пользования определяется по правилам, установленным статьей 267 Таможенного кодекса.

Необходимо также учитывать, что положения главы 37 Таможенного кодекса, определяющей особенности порядка и условий перемещения физическими лицами товаров для личного пользования, не применяются в отношении товаров, не отнесенных к товарам для личного пользования, такие товары подлежат перемещению через таможенную границу Союза в порядке и на условиях, которые установлены иными главами Таможенного кодекса (пункт 18 статьи 38, пункт 7 статьи 256).

41. Взыскание таможенных платежей, процентов и пеней с физических лиц, за исключением индивидуальных предпринимателей, обращение взыскания на товары, в отношении которых физическими лицами таможенные платежи, специальные, антидемпинговые, компенсационные пошлины, проценты и пени не уплачены и которые не переданы таможенным органам в качестве предмета залога, производятся в судебном порядке за исключением случаев, установленных частями 10 и 11 статьи 76 Закона о таможенном регулировании (часть 5 статьи 71, части 6 и 10 статьи 79 Закона о таможенном регулировании).

Заключительные положения

42. Признать утратившими силу пункты 1-37 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 года N 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства».